ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 60 (2443) Среда, 28 июля 1948 г. Цена 40 коп.

Советские люди

«...Когда про меня говорят: человек прошел тяжелый жизненный путь, — не нравится это мне, по совести скажу, — говорил Михаил Иванович Калинин. — Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжелой, а кажется богатой и, главное, — сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты».

Старый большевик, стоявший у самой колыбели нашей партии, верный соратник Ленина и Сталина,—он хорошо понимал жизнеутверждающую природу нашей нравственности, оптимистический строй сознания советских людей, их высокую, подлинную, еще невиданную в мире человечность.

Веками строй рабства и угнетения принижал человека, «творил» раздавленную личность.

Мировая литература прошлого посвятила яркие страницы изображению эгоистического человека, рожденного частнособственническим миром, — изображению его своекорыстия, ограниченности и страшного одиночества в мире, где нет между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана».

Дикое, подобное тюремной одиночке, обособление человека называлось его «свободой». Сегодня неисчислимая масса фактов и новостей из капиталистического мира доносит до нас представление о том, до каких пределов старческого маразма и озверения дошла там — у них — «индивидуалистическая» философия, как там ограблен человек морально, как он раздет донага и обесстыжен!

Все мракобесие современной англо-американской империалистической реакции, все человеконенавистничество новейшей буржуазной литературы и модной философии может быть исчерпано одним истерическим выкриком Ницше: «Нам надоел человек!»

Действительно, циничнее не выскажешься!

Каждый день жизни дружной семьи, населяющей пределы нашей Родины, свидетельствует о самом удивительном явлении в истории мира — о рождении нового человечества. Вчитайтесь в наши газеты, — как в них отражены великие трудовые будни народа: на полях Украины идет уборка замечательного урожая; в Мариуполе входит в строй цех блуминга длиной в полтора километра; реактивные самолеты — гордость и сила советской авиации—летят над Тушинским аэродромом; отлично работает коллектив Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, правительство награждает его орденом Ленина; в отдаленных друг от друга концах страны почти в один день проводят юбилейный смотр своих достижений народы Нагорного Карабаха и Карело-Финской республики; об успешных усилиях миллионов советских машиностроителей, сталеваров, угольщиков, текстильщиц, всех советских людей в борьбе за пятилетку в четыре года говорит сообщение Статистического управления РСФСР...

Кто же герой — свершитель всех этих событий?

Советский человек!

Тот, кому Максим Горький сказал:

«Товарищ! знай и верь, что ты—самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир».

Не только в романах и повестях, но порой и в десятистрочных газетных заметках отражаются черты характера, этические качества советских людей.

Такой отдел — «Советские люди»—заведен в нашей газете. В маленьких заметках — бескорыстие, новаторский дух, творческое беспокойство, подлинный коллективизм, душевное благородство, ясность цели, настойчивость, твердость, все лучшие свойства характера, воспитанные коммунистической партией.

Бескорыстным общественником слывет на Донецкой станции Рутченково старший стрелочник Еременко. Старый человек, он своими руками неустанно украшает родную станцию, пострадавшую в годы войны.

Хорошо помогает ребятам в детском саду ученый-историк Н. М. Дружинин. Он израсходовал на детский дом всю свою Сталинскую премию. В этом скромном акте сказалось душевное благородство советского человека.

Ясность цели, настойчивость и твердость проявил колхозный селекционер Василий Иванович Болпенко: он много лет выращивает на своих полях ветвистую пшеницу. С радостью делится он плодами своих многолетних трудов с незнакомыми ему колхозниками по первой их просьбе.

Все они и есть — советские люди, «самые необходимые люди на земле»! Они не знают чувства страха, который многообразно подавляет и уродует человека в капиталистическом мире. Они исполнены достоинства, как подлинные хозяева жизни. Они свободны, как только могут быть свободны на земле советские люди.

Социалистическое общество, говорит товарищ Сталин, «мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек».

Простые люди, прославленные за свой достойный подражания поступок, пишут в редакцию взволнованные письма. Так нам ответили на помещение заметок о них старая ясельная няня Александра Рылова из Удмуртской республики, колхозник И. Додижа — хранитель «птичьих островов», заповедника у берегов Крыма, сельский книголюб из Ярославской области Мария Давыдычева. Простыми словами они об'ясняют мотивы своего поведения—их надо искать не в корыстных соображениях, не в жажде признания и даже не в долге службы. Они, не задумываясь, поступают по законам советской этики, просто ради собственного счастья и счастья всего народа. В этом—замечательная черта нового человека.

Интересы личный и общественный сливаются так цельно в советской жизни, что личное не ущемляется, не «укорачивается», а, наоборот, личное расширяется, обогащается, делается счастливее, просторнее, краше и лучше.

Хорошо это выражено в письме Марии Михайловны Давыдычевой, которое мы публикуем сегодня.

Большой общественный мир советского труженика открывается нам из маленьких производственных брошюр, о которых говорит сегодня писатель Ник. Погодин в статье «О выдающемся и типическом». О дружбе народов нашей страны рассказывает А. Литвак в статье «На месте действия».

Наши друзья во всем мире знают, какую огромную силу патриотического чувства аккумулирует в себе советский человек. Он проявил эту всепобеждающую силу в тягчайшей схватке с фашизмом, угрожавшим свободе и независимости нашей Родины и всего человечества.

Наши враги никогда не изгладят из своей памяти огневой, испепеляющей мощи нашего патриотизма.

Источник этой небывалой в мире силы советского патриотизма — в единстве советских людей, в благородстве их социалистической морали, в идейности советского народа и его великой воспитательницы — большевистской партии!

Все творческие силы советской литературы и искусства посвящены увековечению в больших образах характерных черт советских людей. Мы ищем выдающееся и типическое. Жизнь и борьба народа, созидающего коммунистическое общество, героический труд людей — на заводах, в полях, в лабораториях, — каждодневно рождают высокое реалистическое искусство Советского Союза, тот окрыленный социалистический реализм, который в себе самом содержит романтическое начало. С гневом и ненавистью ведет наша литература беспощадную борьбу против пережитков старого в сознании людей, против всего, что тянет порой еще человека назад, в болото капиталистической мерзости.

Еще сильнее и настойчивее вести поиски нового. Еще талантливее и ярче изображать социалистический характер нашего человека. Еще смелее и мужественнее создавать образ нового человека в его борьбе со старым, в его контрасте с отмирающим старым. К этому зовет нас великий принцип партийности в искусстве, к этому зовет нас советский народ!

О выдающемся и типическом

Ник. ПОГОДИН

Речь шла о нескольких небольших агротехнических справках. Мне понадобились они для моей работы, и я попросил подыскать две-три книжки из тех, которые изданы у нас в областях и в которых описывается современный и лучший опыт выдающихся мастеров урожая. Однако, собравшись перелистать две-три книжки в поисках справок, я начал читать их. И прочитал подряд все, что подобрали мне «на всякий случай», — двадцать одну биографию замечательных людей социализма. Эти рассказы, в большинстве своем написанные от лица самих героев,—скромные по форме и замечательные по своему содержанию, — вызывают множество раздумий.

Первое, о чем следует сказать, — это разительное отличие очерков, написанных литераторами, от тех рассказов, которые исходят непосредственно от людей, повествующих о собственных своих делах.

По существу содержания, по мысли, по взволнованности рассказа, — звеньевые, бригадиры, руководители колхозов несравненно превосходят очеркистов. Это резко бросается в глаза и на живом примере подтверждает упреки, сделанные нам, литераторам, в статье под названием «О ненаписанной статье» Г. Ганиченко, главного инженера завода «Красный пролетарий» («Литературная газета», № 54, 1948 г.). Тов. Ганиченко упрекал писателей в том, что они не видят и не знают новых явлений современности. Однако, читая книги, написанные литераторами о колхозных делах, узнаешь зачастую, что авторы даже многое и **видели** и **знали**, но не дали себе труда серьезно вдуматься в то новое, что происходит в нашей действительности.

М. Булавин — хороший, знающий жизнь литератор. Но очерк его о Герое Социалистического Труда Анне Сухоруковой, изданный отдельной книжкой в Воронеже, по существу, пуст, как «неохватная ширь небес», с которой он начинает свое описание.

Звено Анны Сухоруковой из воронежского колхоза «Красный маяк», оказывается, составилось из одной крестьянской семьи: восемь сестер и сноха с дочерью — все одной фамилии, Сухоруковы. Этот случай, даже по своей интересной редкости, не остановил внимания писателя.

«...Дома она рассказала, что ее назначили звеньевой и что ей нужно организовать звено.

— Нюра! Да чего же лучше! Вот они— девки, полна хата, все на глазах, — сказала мать.

— Я уже думала и о них. Если желают работать в моем звене, пусть идут ко мне. Но только уговор: работать, так работать. Ни себя, ни меня не подводить, от своего слова не отступаться, работать всем дружно».

Вот и всё.

Запросто прошла мимо писателя большая современная тема. Ведь в этом звене сестер, — в звене знаменитом, с выдающимися достижениями, — неминуемо должны были отразиться новые социалистические отношения колхозного строя. Мы помним, как родственные отношения с их старинной семейственностью мешали, да и сейчас нередко мешают развитию новых форм жизни в деревне. Здесь иной, поистине знаменательный пример того, как семья подчиняет весь свой труд, все свои дела и заботы общественным интересам.

Приметы изменившихся отношений между людьми проявляются многообразно и часто. Я находил их буквально в каждой из прочитанных книг. Сами понятия передовик, участник передового звена включают в себя вовсе не одни лишь производственные показатели. Сделаться членом такого звена — дело не шуточное. Вот почему председатель колхоза «Красный партизан» Куйбышевской области тов. Ульянов находит нужным привести пример в своем рассказе, как девушки одного такого звена наотрез отказали своей подруге войти в их коллектив. Почему?

Недисциплинированность.

На танцах вместе, в кино вместе, а в звено не взяли.

И этой отверженной после грустных и серьезных переживаний пришлось полгода поработать в ином месте и доказать, что она научилась по-иному относиться к своему делу, чтобы подруги разрешили ей войти в их звено.

«...побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизненно проверенным фактам коммунистического строительства, — призывал Ленин в книге «Великий почин». — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее».

И вот эти-то простые факты коммунистического строительства с гораздо большей наглядностью и глубиной предстают в книгах, подписанных не литераторами, а бригадирами, звеньевыми, председателями колхозов.

Не знаю, может быть, рассказ П. Вагриной из Звенигородского района был записан и обработан кем-либо из литераторов; может быть, был также отредактирован и снабженный предисловием академика И. Якушкина очерк И. Ракитина—«лучшего звеньевого Алтая», как его называла «Правда», но литературные ухищрения, стремление к непременной красивости и тому подобные заботы, одолевавшие большинство профессионалов-писателей, отходят тут на второй и даже на третий план, а сила жизненного опыта остается на первом. И сила эта такова, что она без нарочитых стараний со стороны повествователя показывает главное в людях.

Авторы книг — колхозники, живущие в Курске и в Куйбышеве, в Сибири и на Урале. А рассказы поразительно роднят их друг с другом. Когда читаешь эти очерки, создается впечатление грандиозной переклички между сородичами по духу, нравам и обычаям.

Герой Социалистического Труда И. Ракитин дал мне ключ к тому, как надо верно понимать эти подробные до мелочей и необыкновенно значительные в целом рассказы. Мимоходом, кратко замечает он в своем очерке:

«Позже в течение нескольких лет мне не пришлось заниматься **любимым делом** (подчеркнуто мной. — **Н. П.**), руководить непосредственно звеном».

И, об'ясняя, отчего так случилось, он говорит:

«Пришлось налаживать в колхозе животноводство, которое сильно отставало от полеводства, а ведь только при сочетании этих двух отраслей возможны высокие урожаи».

И если вы вдумчиво прочтете весь рассказ Ракитина и узнаете, как этот человек, на несколько лет оторвавшись от любимого дела, посвятил свой труд тому, чтобы сочетать решающие отрасли в колхозе, а в сорок седьмом году дал баснословный для Алтая урожай, то вы поймете, что «любимое дело» — это не простое, ничего не значащее сочетание слов, но самое точное определение. **Дело** для Ракитина и для его товарищей стало подлинно **любимым**, превратилось в смысл всей жизни.

Любовь к земле... Эти слова очень охотно употребляются очеркистами. В книгах, написанных самими передовиками сельского хозяйства, эти слова отсутствуют, но зато мы понимаем самую природу этой любви к земле.

У Героя Социалистического Труда звеньевой колхоза им. Макарова Пелагеи Варгиной «любовь к земле» выражается совершенно конкретно и с необычайной силой:

«Монолиты брали,—рассказывает она,— с обоих участков. Вырубили их с разных мест — высоких, ровных и низин. Нам хотелось знать, где и как ведет себя озимь. Ведь от того, в каком она состоянии, зависят наши планы и расчеты.

Привезли мы их в контору и поставили на четыре дня в полутеплой комнате. Когда почва оттаяла и растения стали оживать от зимней спячки, мы их перенесли в другую — светлую и теплую комнату. Еще два-три дня, и в ящиках зазеленели всходы. Растения пробудились. Мы ходили в правление каждый день любоваться молодой яркозеленой порослью, напоминающей весну, поля, посевы. Не раз замечали мы, с каким интересом наблюдают за нашими всходами председатель правления и секретарь партийной организации. Все думали об одном — о высоком урожае, который надо обязательно завоевать...»

И еще:

«Существует народная примета, что рожь две недели колосится, две недели цветет, да две недели наливается. Мы за этими сроками впервые за всю свою крестьянскую жизнь следили с карандашом в руках».

Тов. Белов, звеньевой колхоза «Свобода» Шигонского района Куйбышевской области, рассказывает:

«Двенадцатого мая для нашего звена был праздник. Все вышли на участок рано. У девушек на головах новые повязки. Жена Торгашкина журила мужа: «Рубаху бы чистую одел... И не совестно!»

Каждому хотелось положить первый клубень в борозду, как в новой стройке первый камень...»

Да, конечно, это простой рассказ о собственном опыте, не больше, но сколько в нем уважения к **любимому делу**, как назвал свою работу в звене знаменитый алтайский звеньевой — человек, вступивший в партию перед наступлением на Перекоп, 28 лет тому назад, Иван Никитович Ракитин, которого ныне академик Якушкин называет замечательным мастером земледелия.

Типическое...

Как его понять и выделить?

Из предисловия академика Якушкина к брошюре Ракитина совершенно ясно, что наш ученый смело выдвигает выдающиеся дела этого замечательного мастера земледелия в разряд типического.

Куйбышевское областное издательство собрало в одну книгу шестнадцать очерков со вступительной статьей секретаря обкома ВКП(б) Г. Малёхонькова. Книга называется: «Они сдержали слово товарищу Сталину». Задача скромная и деловая: опыт передовиков — в массы! Но, прочитавши книгу, каждый скажет:

— Это сама жизнь.

Стоит проследить по всем этим книгам одну какую-нибудь тему, например, тему борьбы за влагу, чтобы увидеть, какой самоотверженный труд вкладывается в каждое дело и как неминуемо оказывается, что тема передовых людей социалистической деревни — это тема героизма новаторов, главная тема современности в самом своем типическом выражении.

Нет возможности передать и сотой доли из прочитанного, хотя я перечел не томы книг, а всего лишь двадцать одну историю, а в книжечке Сысоевой или в рассказе ульяновской звеньевой А. Калашниковой — всего-то чтения на пять минут. Но зато какое содержание!

Умные, проверенные мысли, завоеванные достижения, горячее желание передать другим свой опыт — все это каждый автор непременно связывает с постановлением Пленума Центрального Комитета ВКП(б) в феврале сорок седьмого года.

«— Вот это, Василий Федорович, программа... — сказали пришедшие послушать колхозники», — пишет звеньевой куйбышевского колхоза «Свобода» В. Белов, вспоминая тот момент, когда в его доме была прочитана газета с постановлением Пленума.

«...Долго не расходились колхозники после собрания. У некоторых кончился уж и табак в кисетах, а они все еще рассуждали о так захватившем всех событии, сделавшем ясной дорогу каждого на многие годы. В лампе догорал керосин. Сторожиха правления собралась итти домой и торопила колхозников, а они все продолжали беседу».

В. Белов — не литератор. Он записал, что видел, и записал типические черты события, — как оно взбудоражило и взволновало миллионные массы людей.

Со страниц записок мастеров урожая, строгих по деловитости, глубоких по жизненному содержанию, смотрит наше живое будущее, наш завтрашний день. Общую мысль и общий взгляд на это будущее кратко и точно выразил Иван Никитович Ракитин:

«...мы смело идем вперед, проводим опыты, дерзаем, дополняем агротехническую науку новыми открытиями, взятыми из жизни, проверенными на колхозных полях.

Наша цель, наша мечта — добиться того, чтобы в нашей стране передовиками стали бригады, колхозы, целые районы».

***

«Показать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед— такова задача каждого добросовестного советского писателя», — так говорил тов. А. А. Жданов в 1946 году.

Каждый рассказ наших передовиков об их делах настоятельно напоминает нам, писателям, о глубоком смысле этих слов и о не решенных еще нашей литературой задачах.

По родной стране

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ярославль.** Более пятидесяти врачей, инженеров, агрономов и учителей города готовятся при Ярославском педагогическом институте к защите диссертаций на получение ученой степени кандидата наук. Среди них—начальник цеха комбината «Красный Перекоп» т. Шило, инженеры завода «Победа рабочих» тт. Вангаз и Скурская, сотрудники Технологического и Медицинского институтов тт. Мухин, Хмыров, Манцев, Рычкова и другие.

◆ **Киев.** 19 миллионов экземпляров учебников (107 названий) выпускает к новому учебному году украинское издательство «Радянська школа». Издаются 22 многокрасочных плаката для школ, в том числе «Коцюбинский», «Родословная человека», «Таблицы по синтаксису русского языка» и другие.

◆ **Николаев.** Доставку почты колхозникам на самолетах организовало областное управление связи на период уборки урожая. Сельские подписчики получают областные газеты в день их выхода.

◆ **Нальчик.** Кабардинский государственный театр драмы выехал на гастроли в колхозы республики. Театр выступает на колхозных полевых станах. В колхозы выехали также театр русской драмы, симфонический оркестр и республиканский ансамбль песни и пляски.

◆ **Ленинград.** Первый заводской лекторий организован на Невском машиностроительном заводе имени Ленина. Он открыт Ленинградским отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

◆ **Омск.** 255 колхозных лекториев работают в области в этом году. В них прочитано свыше 4.700 лекций на естественно-научные, общественно-политические и сельскохозяйственные темы. К чтению лекций привлекаются руководящие партийные и советские работники, учителя, агрономы, врачи.

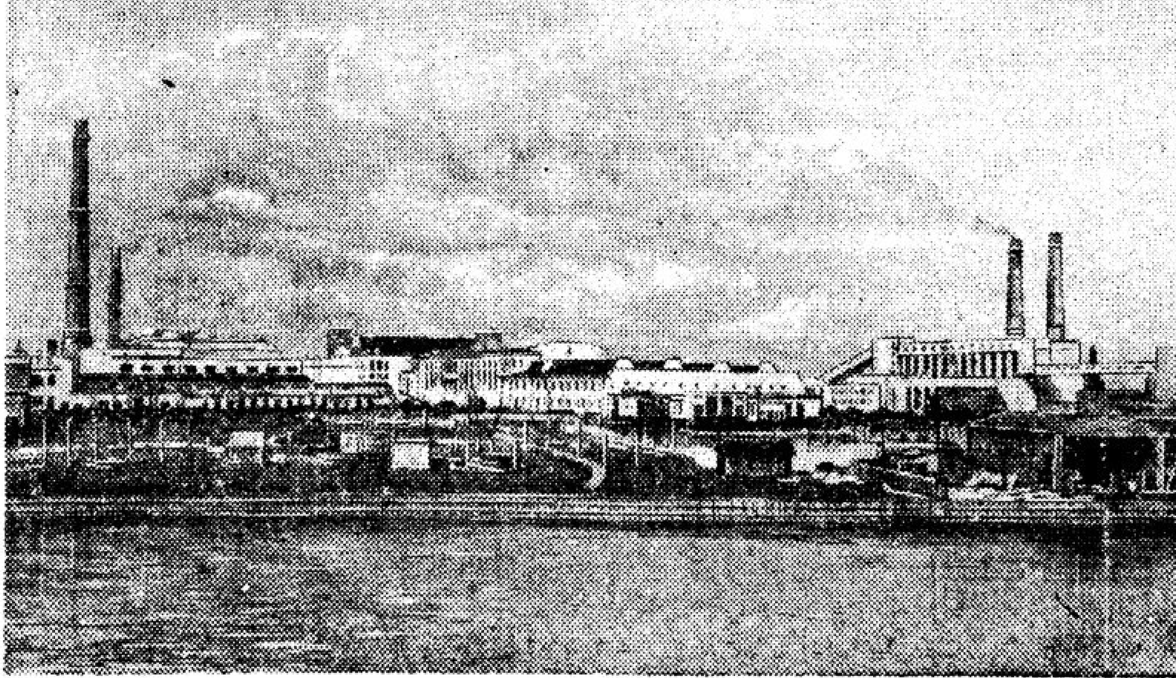
◆ **Ужгород.** Здесь открыта картинная галлерея. Киевские музеи выделили для галлереи 65 картин выдающихся русских и украинских художников. Музей русского искусства передал в дар картинной галлерее 29 полотен. Среди них — картины Маковского, Шишкина, Ярошенко.

◆ **Куба** (Азербайджанская ССР). В селах Кубинского района строятся жилые дома для учителей. С помощью сельсовета и колхоза им. Сталина построен двухэтажный дом для учителя средней школы И. Абасова.

◆ **Южно-Курильск.** В Южно-Курильске создана литературная группа, в состав которой выходит двадцать начинающих прозаиков и поэтов.

◆ **Кишинев.** Открылся второй с'езд архитекторов Молдавии. В работе с'езда участвует более 100 человек. Присутствуют также гости из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны.

Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат удостоен высшей правительственной награды. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Ленина. Эту награду комбинат получил на десятом году своей жизни. Он построен в 1938 году.

Неподалеку от станции Сегежа Мурманской железной дороги, там, где недавно шумел дремучий бор, высятся мощные цехи комбината, окруженного прекрасным социалистическим городом.

Четыреста тысяч крафт-мешков — такова суточная производительность комбината. Эти мешки, сделанные из особо прочной бумаги, служат упаковкой для сахара, цемента, химических удобрений и пр.

В годы Великой Отечественной войны комбинат оказался у линии фронта. Тогда его оборудование было эвакуировано в глубь страны... Вернувшись в родные места, сегежские бумажники горячо взялись за восстановление комбината. Они вновь возродили его в 1946 году, а уже спустя год выпустили столько же продукции, сколько давали в мирные годы. План первых шести месяцев нынешнего года комбинатом выполнен на 138,4 проц.

Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат — одно из крупнейших предприятий Карело-Финской ССР.

В долине трех гор

Недалеко от Тбилиси на площади в 100.000 гектаров раскинулась степь Самгори — долина трех гор. Земля здесь бесплодна: ей нехватает влаги. Будь здесь вода, на одном лишь верхне-самгорском участке долины — 37,5 тысяч гектаров — можно было бы получать ежегодно почти 1 миллиона пудов винограда, около 3 миллионов пудов фруктов, три с половиной миллиона пудов овощей, выращивать хлопок и еще 15 тысяч гектаров отвести под зерновые. На 30 тысячах гектаров раскинулись бы сады и в нижней части Самгори. Если бы только была вода...

Рядом с долиной, но отделенная двумя горными хребтами, течет река Иори. Она ежегодно сливает в Куру около миллиарда кубических метров воды. Одна треть этой влаги могла бы сделать плодородной пустынную ныне Самгори. И вот скоро Иори оросит самгорскую степь. Уже сейчас десятки тысяч колхозников и горожан Грузии трудятся над осуществлением этой задачи.

Для реки Иори избран новый путь. Она прорежет горные хребты восемью туннелями, пройдет на глубине 140 метров под землей, по лоткам и акведукам пересечет русла горных рек и ручьев.

Верхне-Самгорский канал понесет в долину столько воды, сколько нужно человеку. В верховьях реки, там, где высокая плотина пересечет ее течение, возникнет водохранилище, вмещающее несколько сот миллионов кубометров воды. Это даст возможность регулировать сток в реке.

На 42-м километре канал, пройдя через Тбилисское водохранилище, выйдет на степной простор и оросит верхнюю часть долины. Огромное водохранилище, сооружаемое здесь, накопит влагу для орошения нижней Самгори. Тогда почти вся пустынная ныне степь станет цветущим садом. Не только виноград, — фрукты, хлопок и хлеб даст новое сооружение. На Верхне-Самгорском канале будут построены также 3 гидростанции.

Самгорское строительство ставит перед инженерами немало трудных задач. Один лишь Мухрованский туннель пройдет чуть ли не два километра в исключительно твердых мергелях. Самгорский туннель — еще сложнее. Его придется прокладывать в неустойчивом грунте хребта Цемпионис—Сери.

Но трудности не страшат строителей. Сбывается давняя мечта грузинских крестьян об орошении Самгори.

Котел без топки

Советский ученый профессор М. Б. Равич создал газовый паровой отопительный котел, отличающийся высокой эффективностью. По имени Энергетического института Академии наук СССР, в лаборатории которого он спроектирован, котел носит марку «ЭНИН». Котел типа «ЭНИН», имея поверхность нагрева в 20 квадратных метров, дает столько же тепла, сколько могут дать две обычные установки подобного назначения с поверхностью нагрева в 100 квадратных метров. На московском инструментальном заводе «Калибр» установлен первый образец котла. Он один заменил целую котельную с тремя большими котлами. Он обогревает три обширных цеха об'емом свыше 50 тысяч кубических метров. Компактные габариты позволили разместить всю установку непосредственно в цехе, где она заняла пространство в 6 кубических метров.

В обычном представлении котел немыслим без топки, заполненной бушующим пламенем. В новом агрегате топки нет. Вместо нее—узенькие туннели, к которым подведены газовые горелки. Пламени не видно. Только раскаленная огнеупорная кладка свидетельствует об интенсивном процессе горения.

Чтобы изготовить котел «ЭНИН», нужно в 4—6 раз меньше металла, чем на любой другой водогрейный котел такой же производительности.

Метод беспламенного сжигания газа имеет и другие серьезные преимущества. Отходящие дымовые газы, состоящие из углекислоты и азота, на заводе «Калибр» были отведены в теплицу, расположенную в нескольких сотнях метров от места, где установлен котел. Концентрация углекислоты в теплице при этом в десять раз превышала ее концентрацию в атмосфере. Своеобразное газовое «удобрение» повысило урожайность овощей в два—два с половиной раза и ускорило сроки их созревания.

Метод беспламенного сжигания газа, разработанный профессором М. Б. Равичем, приобретает всё большее распространение.

Новая рукопись Леси Украинки

КИЕВ. (**Наш корр.**). Институт литературы Академии наук Украины получил из Варны (Болгария) рукопись Леси Украинки. Ее прислал научный сотрудник болгарского университета доктор Н. С. Бредихин. В письме, приложенном к рукописи, Н. Бредихин рассказывает ее историю.

35 лет назад Леся Украинка лечилась в Египте, в городе Гелуане. Там она познакомилась и сдружилась с семьей ученого, болгарина Бредихина. Перед от'ездом на родину поэтесса подарила друзьям эту рукопись.

В рукописи 9 страниц. Это неопубликованный вариант драматического этюда «Айша и Магомет», публиковавшегося по другому, так называемому «львовскому» списку.

КОНКУРС НА ОДНОАКТНУЮ ПЬЕСУ ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров УССР совместно с ЦК ЛКСМУ и Союзом советских писателей Украины проводят конкурс на лучшие пьесы для драматических кружков художественной самодеятельности.

Конкурс должен помочь созданию и выявлению высокоидейных и художественно полноценных драматургических произведений для самодеятельности. На конкурс принимаются неопубликованные и не поставленные ранее на сцене пьесы всех жанров, написанные на украинском или русском языках.

В конкурсе могут участвовать все граждане СССР. Рукописи принимаются до 1 ноября 1948 года. Результаты конкурса будут оглашены не позднее 1 декабря 1948 года. За лучшие пьесы установлено шесть премий.

Рукописи следует посылать по адресу: Киев, улица Владимирская, дом 56, Центральный дом народного творчества УССР, «На конкурс».

М. РЯБЦЕВ,
кандидат педагогических наук

Бездетная педагогика

Академия педагогических наук оторвана от школы. «Литературная газета» сказала об этом своевременно. Мне, как научному сотруднику академии, хотелось бы добавить несколько слов.

Вот уже четыре года, как педагоги-практики не понимают научных работников академии, говорят с ними на разных языках. Это взаимное непонимание происходит оттого, что многие работники академии никогда не были педагогами или порвали со школой 15—20 лет назад. Это относится почти в равной мере и к действительным членам академии и к аспирантам.

Недавно мне довелось беседовать с инспектором по кадрам Института дефектологии тов. Новицким. Меня интересовал вопрос: сколько среди научных сотрудников института педагогов. Оказалось, что таких сведений нет. Президиум академии попросту не озабочен, знают ли научные сотрудники школу, для которой они работают. Характерный факт: научной работой даже Института теории и истории педагогики руководит не педагог, а психолог—проф. П. Рудик.

Что же удивительного, что в целях предосторожности и, пожалуй, самозащиты многие стараются итти в научной работе по проторенным дорожкам, как можно дальше от школы.

Только полным отрывом от школы и ребенка можно об'яснить такие схоластические перлы, какие мы находим в № 5 «Советской педагогики» за 1948 год.

В редакционной статье «К итогам дискуссии о принципах и методах воспитания коммунистической морали» читаем:

«Методы нравственного воспитания необходимо рассматривать в свете направляющих их принципов и прежде всего учитывать зависимость методики нравственного воспитания от характера и содержания морального воспитания». И дальше: «Совокупность принципиальных требований, направляющих методику воспитательного воздействия на мировоззрение и поведение учащихся, и подчинение этих требований общим принципам коммунистического воспитания определяет специфику советской методики нравственного воспитания».

Даже при беглом чтении таких «статей» можно разучиться по-человечески мыслить и пользоваться членораздельной речью.

А ведь это преобладающий стиль, это манера академических схоластов разговаривать с советским учителем на протяжении ряда лет.

Отрыв от школы и ребенка нельзя об'яснить отсутствием базовых учреждений.

Мне незачем итти далеко за примером: во дворе Института дефектологии находится школа глухонемых — база отдела сурдопедагогики. Никто из сотрудников отдела, кроме проф. И. Соколянского, не заглядывает в школу—незачем: теоретизировать удобнее в кабинете.

Так и рождаются абстрактные темы научного плана академии — схоластические задачи, которые можно решить, не заглядывая в школу, не встречаясь с учителем и детьми. Планируют научную работу ученые секретари, никогда не работавшие в школе, они громоздят такие «прожекты», что иной раз их совсем нельзя приспособить к действительным нуждам школы. Медленно планирует академия: в августе прошлого года начали составлять план 1948-го, но и сейчас многие ученые, ушедшие в отпуск, не знают точной формулировки своих тем. Планирование научной деятельности Академии педагогических наук должно быть связано с учебным планом школы. Вместе со всеми учителями страны сотрудники академии должны готовиться к учебному году, вместе с ними приступать к учебным занятиям и научно-исследовательской работе. Лабораторией, кабинетом научного работника должен быть класс, в котором он собственными руками, из первоисточника, добывает необходимый материал для исследования.

Пора широко распахнуть двери академии перед талантливыми педагогами-практиками. Мы располагаем огромным резервом! Это наглядно показала июльская сессия отделения педагогики академии. На всех нас произвел неизгладимое впечатление доклад — и даже не доклад, а взволнованный рассказ! — Героя Социалистического Труда учителя В. Баклыкова. Он создал из школьников звено высокого урожая и собрал с ними по 36,18 центнера зерна с гектара на площади в 10 га— невиданное дело в Кемеровской области! То, что сделал учитель, — это не просто высокий урожай, это переворот в сознании людей и прежде всего подрастающего поколения. Василий Данилович Баклыков приучил детей к труду. Они сделали шесть борон для боронования всходов; у каждого ученика в избе — самодельный радиоприемник; сейчас делают ветряки. Талантливый новатор показал, чего можно добиться, последовательно выполняя ленинский принцип воспитания — соединяя обучение с производительным трудом. Результат годовой работы школьного коллектива: 100 процентов успеваемости и 2.160 пудов пшеницы.

Нужно смелее привлекать к научной работе новаторов, передовых педагогов нашей страны, они должны задавать тон всей творческой работе академии!

Много вреда приносит академии распространенная в некоторых ее кругах теория о том, что педагогика, как эмпирическая наука, не знает закономерностей, они в нее привносятся, дескать, уже в готовом виде психологами. Таким образом, педагогам исследовать и открывать нечего, их удел — «наблюдать» и «описывать». Психологам будто бы подведомственна теория педагогического процесса, они изучают психику и поведение ребенка, а педагогам остается практика.

Но беда-то в том, что специалисты по детской психологии, обосновавшиеся в академии, изучают в лабораторных условиях не живого ребенка и его психику, а изолированные «психические функции» какого-то абстрактного существа. Фантастическое зрелище: из педагогики исчез живой ребенок! Между педагогом и ребенком стоит **посредник** — «истолкователь» детской психики.

Ушинский был и педагогом и психологом, он не нуждался в посредниках. Секрет успеха Макаренко в том, что он также был и педагогом и психологом. Лучшие педагоги-практики изо дня в день изучают своих питомцев. Им не нужны те фантастические ребусы, которые под видом психологии ребенка, «педагогической психологии» преподносят им современные эпигоны педологии.

Знание психологии ребенка так же необходимо педагогу, как инженеру необходимо знание математики. Было бы смешно и странно видеть инженера, который всякий раз при технических расчетах стал бы обращаться к математику за формулами.

Следует оговориться: мы, педагоги, хорошо принимаем и горячо приветствуем тех немногих психологов — тт. Дульнева, Редько, которые, работая педагогами в детских учреждениях, непосредственно изучают психику и поведение советских детей в конкретных условиях педагогического процесса.

* *

Большому научному коллективу Академии педагогических наук советская общественность пред'явила серьезные требования. Нужно честно принять эту критику,—она помогает нам скорее и решительнее порвать с «бездетной педагогикой», с келейными методами научной работы, ведет нас в школу, призывает научно обобщить творческий опыт лучших советских учителей.

Молодые стахановцы стремятся к повышению своего профессионального и культурного уровня. Без отрыва от производства они заочно проходят курс вузов и техникумов.

В истекшем учебном году заочно обучалось 250 тысяч молодых рабочих. В этом году число их составит 290 тысяч.

На шахте № 3 треста «Молотовуголь» Московского угольного бассейна десятки молодых стахановцев подали заявления о приеме их на первый курс Сталиногорского горного техникума.

НА СНИМКЕ: комсомольцы шахты № 3 готовятся к испытаниям. Слева направо: горный замерщик П. Шкута, мотористка Л. Пуляева, навалоотбойщик И. Ельшов и слесарь-инструментальщик П. Ворошилов. Фото В. СОБОЛЕВА (ТАСС).

Советские люди

ПОДАРОК УЧЕНОГО

В июне прошлого года Николай Михайлович Дружинин получил Сталинскую премию 2-й степени за научный труд «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Эти деньги — 100 тысяч рублей — ученый отдал одному из детских домов Московской области.

Николай Михайлович поехал в колхозный детский дом Ново-Петровского района Московской области, познакомился с ребятами, — их там 73 человека, — осмотрел хозяйство, побеседовал с воспитателями. С тех пор он — частый гость в детском доме, и его приезда ждут с большим нетерпением

Благодаря заботам Николая Михайловича для детей приобретен новый дом, в спальнях появились удобные кровати, в столовой — красивый буфет, посуда. Недавно куплена новая автомашина. Сейчас член-корреспондент Академии наук СССР Н. М. Дружинин ведет переговоры о покупке еще одного дома, где разместятся учебные помещения, столовая и кухня.

НА ДОБРОЕ ЗДОРОВЬЕ

Василий Иванович Колиенко, колхозник артели имени Чкалова, Апанасенковского района, Ставропольского края, получил письмо. Писали Василию Ивановичу из колхоза, расположенного близ Ессентуков. Колхозники просили выслать им семян ветвистой пшеницы, над которой Колиенко работал десять лет.

Еще в 1938 году раздобыл Колиенко на Тереке четыре зерна этого интересного злака. Из года в год улучшал он его путем отбора и добился, что каждый стебель растения отягчен теперь тяжелой кистью как бы сросшихся колосьев.

Отправляя в Ессентуки четыре килограмма зерна, Василий Иванович написал: «Дорогие товарищи! Шлю вам семена ветвистой пшеницы. От души рад, что они попадут в руки таких хороших земледельцев, как вы. Это — золотой хлеб, богатейший хлеб. Растите его и богатейте на доброе здоровье».

СТРЕЛОЧНИК СТАНЦИИ РУТЧЕНКОВО

Нет на Донецкой станции Рутченково такого сооружения, к которому бы не приложил руку старший стрелочник Владимир Тимофеевич Еременко. Восстанавливая разрушенный немцами вокзал, он и стены клал, и штукатурил, и кровлю соорудил. Все, что окрашено на станции, — дело рук «маляра» Еременко, все деревянные части из-под его рубанка вышли, все печи им сложены. Он и слесарь, и токарь по металлу, по дереву, и штукатур — десять профессий у него.

В доме Владимира Тимофеевича — целый завод. На свои сбережения купил он токарный станок, половину месячного заработка и все довольно частые денежные премии тратит на инструменты, на материалы — то новые фонари своего изделия подарит станции, то сигнальные рожки. «Другой хозяин свой дом так не обстраивает, как Владимир Тимофеевич нашу станцию!» — говорят железнодорожники.

— Тебе, Тимофеич, не пора ли на отдых? — спрашивают друзья. — Ты ведь говорил, что как только станцию восстановим, снова на пенсию уйдешь...

— Ще раненько! — отвечает семидесятилетний пенсионер. — Буду робыть, доки не помру. А помирать не собираюсь!

РЕВНИТЕЛЬ СМОЛЕНСКИХ САДОВ

Яков Яковлевич Алексеев руководил кафедрой ботаники в Смоленском педагогическом институте. Немецкое нашествие заставило профессора покинуть Смоленск. Академия наук СССР предлагала ему постоянную работу в крупнейших ботанических садах страны, но Яков Яковлевич вернулся в родной город, как только он был освобожден. Смоленск лежал в руинах.

Когда-то Смоленская область славилась своими садами, а Смоленск считался одним из самых зеленых городов страны. Ученый решил возвратить родному краю эту славу.

Он создал и возглавил отделение Всероссийского общества охраны природы. В нем сейчас более пятидесяти действительных членов и четыреста членов юношеских секций.

Этой весной профессор руководил разбивкой парков, садов и скверов в Смоленске. Сейчас в городе зеленеет около 30 тысяч молодых декоративных и фруктовых деревьев и кустарников. Заложены питомники, которые в ближайшие годы дадут миллионы высадков.

ПИСЬМО МАРИИ ДАВЫДЫЧЕВОЙ

«Меня удивляет, каким образом моя работа стала известна вам, — пишет Мария Михайловна Давыдычева, прочитав в № 33 «Литературной газеты» заметку о себе — «Сельский книголюб». — Да, я работаю в Великосельской библиотеке с 1917 года. Ни корысти, ни славы не искала, когда 30 лет тому назад стала по одной книжке собирать сельскую библиотеку. Много потрачено и сил и энергии, работала все время без отдыха. Но я люблю свою работу, я вижу результаты ее, мне хочется работать еще лучше, и в этом мое удовлетворение, мое счастье. Я счастлива, когда вижу, как выросли культурно наши люди, как развиваются на моих глазах молодые силы, смелые и энергичные, с каким увлечением читают колхозники новые книги, полные любви к дорогой Родине, к ее героям, к товарищу Сталину. Мне уже 62 года, на смену себе я готовлю молодого работника. Я стараюсь привить ему любовь к книге, радуюсь его успехам, и это тоже — счастье».

Б. ДУНАЕВСКИЙ

«Художества» Всекохудожника

Вопросы советской живописи заняли в последнее время значительное место на страницах печати. Советская общественность отмечает серьезные недостатки в работе наших художников и пред'являет к ним справедливые требования. Это понятно: живопись, как и другие виды искусства, является могучим средством воспитания масс в духе коммунизма. Эту задачу выполняют лучшие произведения советской живописи, высоко ценимые народом. Присуждение Сталинских премий ряду советских художников за картины, написанные ими в 1947 году, было истинным праздником советской культуры.

Советский народ интересуют не только те полотна, которые обогатят фонды галлерей и музеев. С неменьшей требовательностью он следит и за теми произведениями изобразительного искусства, которые предназначены для массового распространения. Он пред'являет высокие идейные и эстетические требования к картине, скульптуре или репродукции, которые входят в дом рабочего и колхозника как предмет его обихода, его быта, другими словами, к той части художественного обслуживания населения, которая доверена Всероссийскому союзу кооперативных товариществ работников изобразительных искусств, обычно называемому «Всекохудожник». Выполняет ли возложенную на нее задачу эта организация?

* * *

Вишневый сад был продан дважды. Первый случай описан у Чехова и известен всем. Тогда купец Лопахин заплатил за имение Раневских 90 тысяч.

Во второй раз сад был продан гораздо дороже, чем в пьесе Чехова: примерно за полтора квадратных метра заплачено 12.000. Садик этот нарисовал художник Агабабян и сделал это довольно плохо. Купила же эту картину дирекция выставок Всекохудожника. И если она не проливала слез при этой покупке, то лишь потому, что такие сделки не в диковинку во Всероссийском союзе кооперативных товариществ работников изобразительного искусства.

Но, вероятно, термин «сделка» покажется слишком грубым деятелям живописи, подвизающимся во Всекохудожнике. Тем более, что приобретение картин обставлено здесь с приличествующей торжественностью. Они не просто продаются и покупаются; они представляются художественным советам, которые имеются в каждом ответвлении Всекохудожника. В МТХ—Московском товариществе художников — их даже два — большой и малый. Среди членов советов видные художники— Б. Иогансон, П. Кончаловский, А. Дейнека и другие.

С легкостью необыкновенной художественный совет принимает картины очень низкого по качеству исполнения и тут же щедро определяет им цену.

Предполагается, что, накинув на стоимость картины 25 процентов, товарищество с выгодой «уступит» их осчастливленному покупателю. Авторы картин получают деньги, не дожидаясь этого события. Тем более, что ждать пришлось бы долго: покупатель, не внемля постановлениям художественного совета, отказывается приобретать живописных недоносков. Поэтому оплаченные таким образом картины зачастую не покидают склада, где они хранятся в числе «остатков готовой продукции», как называет этот вид изделий бухгалтерия. Таких «остатков» одно лишь МТХ накопило на 11 миллионов рублей.

Щедрость Всекохудожника принимает подчас поистине чудовищные формы. Художница Афонина по договору со Всекохудожником написала картину «Литейный конвейер». Отнюдь не строгий художественный совет Ленинградского товарищества картину эту забраковал. Но в этом же постановлении записана просьба художественного совета к правлению Всекохудожника... повысить оплату забракованной картины с 20 до 25 тысяч рублей.

Нам неизвестно, как отнесся к этой оригинальной просьбе председатель правления Всекохудожника т. Катуркин. Возможно, что и удовлетворил. За роскошной и внушающей доверие кооперативной вывеской его организации происходит немало дел, более возмутительных, покрупнее и похуже, чем премирование художника за то, что он написал плохую картину.

* * *

61 товарищество и 5 предприятий — такова обширная сеть организаций Всекохудожника. Круг его деятельности поистине всеоб'емлющ. Тут и изготовление вывесок, и строительные работы, и почему-то издание сборника «50 лет потребительской кооперации», и распространение нагрудных значков, и выпуск учебника бухгалтерского учета, и ремонтные работы. Краснодарское товарищество бойко торгует скопированными у заграницы сентиментальными изображениями целующихся мальчиков и девочек, «освежив» пошлую открытку надписью «привет другу» или «с Первым мая». Всю эту многогранную деятельность ни исследовать, ни даже перечислить невозможно. Ограничимся поэтому лишь схематическим описанием небольшой части операций какой-нибудь одной из организаций, участвующей в деятельности Всекохудожника. Пусть это будет, к примеру, производственный комбинат товарищества Росскульптор.

Этот комбинат, действующий под руководством некоего Юреля, имеет в своем «активе» операции весьма сомнительного свойства. В комбинациях этого комбината участвуют многие лица: и Васильев, и Борщинский, и Чубуков, и многие, многие другие. А также т. Рыжков, состоящий на службе в Метропроекте в должности главного архитектора. Метропроект, как это ясно из его названия, составляет архитектурные проекты и рабочие чертежи для станций метро. Главный архитектор, естественно, должен принимать в этой работе деятельное участие. Он и принимает. Но только не в качестве сотрудника своего учреждения: это ему невыгодно. Гораздо прибыльнее другой вариант, скажем, такой: Рыжков отказывается выполнить эту работу для Метропроекта. Тогда главный архитектор Рыжков передает ее ведомству Юреля. А Юрель поручает выполнение подписанного им договора... архитектору Рыжкову.

Одним из наиболее распространенных приемов обогащения разных лиц является в Росскульпторе система бригадирства. Бригадиром здесь становится всякий, кто принес выгодный заказ. Заказ может быть любой: ремонт железнодорожной станции или убранство магазина, изготовление портретов, или продажа открыток, отливка люстр, или, как это было недавно, — окраска церковных куполов. И как только заказ поступил, лицо, его принесшее, перестает быть частным предпринимателем и превращается в бригадира кооперативной организации.

Именно так поступил некто Чубуков, добывший выгодный заказ на отделочные работы в ресторане «Арагви». Во главе бригады из 8 рабочих Чубуков быстро выполнил работу. Ресторан уплатил за нее 52 тысячи. Из этой суммы 25 тысяч составили долю самого Чубукова.

Деятельность другого «бригадира», Б. Васильева шире, многообразнее и прибыльнее. В его предприятиях участвует и его супруга. Предприимчивая пара действует от имени Росскульптора и на ипподроме, и на стадионе «Пищевик», и в Политехническом музее. Между прочим, в прошлом году этому бригадиру посчастливилось заболеть. Поэтому его заработок в ведомстве сердобольного Юреля выглядит следующим образом: зарплата — 215 тысяч рублей, по больничным листам — 151 тысяча, оплата отпуска — 49 тысяч. Всего же чета Васильевых с помощью Росскульптора за один лишь 1947 год «заработала» 497 тысяч рублей.

Но наиболее изящная — и наиболее убыточная для государства — комбинация этой кооперативной организации связана с именем Либермана. Он не так давно заведывал отделом репродукций в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Заботясь о распространении слепков и фотографий с музейных экспонатов, сие должностное лицо при участии зам. директора Амстиславского заключило соответствующие договоры с Росскульптором. Сумма договоров превышает два с половиной миллиона. Вознаграждение за распространение репродукций — 25 процентов.

Подписав такой договор, заведующий отделом музея внезапно покинул свой пост и перешел на работу... в Росскульптор. Ныне бригадир Росскульптора Либерман с успехом и пользой для себя выполняет от имени Росскульптора договор, который он недавно подписал от имени музея.

Можно не продолжать перечень операций Росскульптора, так как и организация эта, и глава ее Юрель вовсе не составляют исключения. На злачной ниве Всекохудожника вскармливается немало таких же «товариществ» и соответствующих им руководителей. Мы могли бы вместо Росскульптора и Юреля назвать «Советский график» и Грежбина — они тоже обошлись государству в сотни тысяч рублей. Или живописно-скульптурный комбинат МТХ, деятельность которого также стала стране в копеечку. Наивно было бы думать, что эта сторона деятельности Всекохудожника неведома его руководителям и руководителям об'единяемых им организаций. Но сами они с величайшим одобрением относятся к своей работе. Недаром же премии в Росскульпторе за прошлый год составили 357 тысяч рублей. Недаром и МТХ премировало своих сотрудников на 650 тысяч. И правление Всекохудожника тоже, видимо, не напрасно отвалило своим служащим больше миллиона премиальных. Не за молчание ли расплачиваются со своими подчиненными руководители Всекохудожника?

Расхищение народных средств под покровительством руководителей Всекохудожника длится уже многие годы. Мы надеемся, что Министерство государственного контроля РСФСР привлечет к строгой ответственности расхитителей народных средств.

А. ЛИТВАК
Специальный корреспондент
«Литературной газеты»

На месте действия

Года полтора назад из колхозов Западной Грузии приехали на площадку строительства Кутаисского автозавода молодые колхозники. Им показывали строящиеся цехи, об'ясняли, что где будет. А потом —вокзал, вагоны скорых поездов, Москва-столица, Горький, Ока...

И вот настало утро, когда молодые колхозники вошли в цехи, поражавшие своей величиной, в цехи заводов Москвы, Горького, Павлово-на-Оке. Новый мир открывался перед ними.

Кутаисский автомобиль люди начинали готовить в Горьком и Москве. Его делали в группе, где молодой инженер Георгий Кобаладзе обучал будущих инструментальщиков, стремясь уложить в 120 учебных часов программу освоения сложного дела. Его делали и в группе литейщиков, которую обучал инженер Давид Эбаноидзе. Его делали и в смене старшего мастера Николая Заговалова — заботливого наставника молодых грузинских рабочих. Широкоплечий, плотный Надар Бухаидзе приехал в Москву сразу после окончания в Кутаиси школы, что находится на улице Просвещения. Теперь цехи Московского автозавода стали для него улицей Просвещения. В новой форме подготовки кадров ярко проявлялись присущие советским людям дружба, взаимопомощь, готовность открыть перед товарищами секреты мастерства.

Хотя все приезжие принадлежали к одному коллективу, — день их начинался по-разному. Одни с утра собирались в аудиториях техникума при автозаводе имени Сталина. Другие вступали в здания огромных цехов, и мир невиданных машин сразу представал перед ними. Третьи в окружении мастеров и инженеров становились к станкам — сдавали пробу.

Не только для рабочих будущего Кутаисского автозавода, но и для их руководителей — молодых грузинских инженеров, пребывание в индустриальных центрах РСФСР не проходит бесследно. Инженера Кобаладзе можно застать в Москве не только на автозаводе. Его можно увидеть и на «Красном пролетарии», и на станкозаводе имени Орджоникидзе, и на многих других предприятиях: он принимает автоматическую линию станков для Кутаиси, многие машины и механизмы. В Москве не только готовят кадры будущих автостроителей,—Москва дает Грузии оборудование для новых заводов. И, принимая это оборудование, инженер Кобаладзе пытливо расспрашивает о поведении станков и заполняет записную книжку сведениями.

Десять месяцев продолжалась учеба. Она велась упорно и методически. Молодые рабочие оказались способными людьми, с которыми коллективы заводов-учителей с сожалением расставались в день окончания курса.

Я видел грузинскую молодежь—строителей автомобиля — не только в Москве, но уже и на месте действия—в Кутаиси. В механосборочном — длинные ряды смонтированного оборудования. Но это еще не весь цех. Монтаж продолжается. Я видел, как Аполлон Геденидзе и Григорий Кинцурашвили собирали плоскошлифовальный станок. Они учились на ЗИС в Москве и с любовью вспоминали мастера Иванова — своего учителя, который сделал недавних колхозников из села Кинчха квалифицированными слесарями. Вот стоит у станка Владимир Чечелашвили — он обучался в Горьком и сейчас выполняет не одну норму, а две. Бичико Гурэсашвили— мастер на участке. Участок его считается одним из лучших на заводе.

Готовясь к выпуску машин, кутаисцы сегодня обеспечивают себя инструментом, ведут монтаж технологического оборудования, в кооперации с Одесским автосборочным заводом изготовляют самосвалы для строек. Доля кутаисцев в самосвале: коробка отбора мощности и механизмы опрокидывания — отличные по качеству!

В разгаре боев за индустриализацию, в начале второй пятилетки вышла поучительная книга «Люди Сталинградского Тракторного», о которой Алексей Максимович Горький писал в предисловии: «...книга дает мне, читателю, ясное представление о том, как жили, в каких условиях работали тысячи молодежи... Я видел эту молодежь «на месте действия» в 1928 году, когда среди огромного голого поля лишь кое-где торчали железные скелеты будущего гиганта, создаваемого энергией этой молодежи в тучах пыли, оглушительном грохоте железа, в скрежете и шорохе камнедробилок, бетономешалок».

Особенно поразила Горького в книге глава, которая носила смелое, задорное и откровенное название: «Да, мы ломали станки». Когда в Сталинград первой пятилетки прибыло заводское оборудование, оно для молодых ребят, собранных со всех концов страны, оказалось большой новостью. Станки пускались вхолостую. В патроны, приспособленные для медных деталей, ребята по неведению вставляли стальные болты и резали их резцами, которые были рассчитаны для меди. Немудрено, что станки выходили из строя.

И вот иная картина... Кутаисский автозавод еще не пущен, не сразу появится кутаисский грузовик, но основные кадры предприятия уже подготовлены на тех заводах, где в пору первой пятилетки люди обучались делу ощупью, совершая множество ошибок и невольно ломая станки. Молодые колхозники Грузии смогли в короткие сроки овладеть новыми профессиями, освоить сложные специальности.

Что же обеспечило быстроту и успех подготовки? Не только качества сегодняшних учителей — москвичей, горьковчан и других.

— Быстроту и удачу подготовки обеспечило то, что поехали в Москву, в Горький и в Павлово-на-Оке люди, которые у себя в родных селах окончили среднюю школу, свободно разбирались в чертежах, знали алгебру и геометрию, физику и химию.

У станков, которые оживают в Кутаиси, стоят люди, родившиеся в те годы, когда Горький наблюдал сталинградскую молодежь «на месте действия». Стоят представители следующего поколения, люди, выросшие, учившиеся, приобщившиеся к труду в годы сталинских пятилеток и закалившиеся, как и старшие, в горниле войны.

Радуясь рождению новых советских республик, Ленин писал в апреле 1921 года коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана: «Советская республика в России не имела политической и военной поддержки нигде. Напротив, она годы и годы боролась против военных нашествий Антанты и ее блокады». Но зато советские республики Кавказа, — указывал Ленин, — имели уже политическую и военную поддержку от РСФСР. «Это коренное отличие»,—отмечал Владимир Ильич.

Мы воздвигали заводы во всех частях страны, преодолевая сопротивление врагов, воспитывали «на месте действия» кадры опытных строителей индустрии. Сейчас, в пору первой послевоенной пятилетки, в эпоху расцвета промышленности в союзных республиках, они получают большую поддержку у индустриальных районов страны, от людей, которые в годы первых пятилеток были учениками, а теперь стали учителями.

Так воспитываются кадры не только для Кутаисского автозавода. Так на предприятиях Российской Федерации и Украины обучаются отряды белорусских тракторостроителей. Так подготовляются будущие сталевары и горновые Закавказского металлургического — в Днепродзержинске и в Серове, на Магнитке и в Макеевке. В новый город Рустави прибывают не только блуминг из Донбасса и станы с Уралмаша, но и люди, подготовленные на Украине и Урале. Так готовились на заводах Челябинска и Сталинска первые металлурги Казахстана и Узбекистана. Так росли в Кривом Роге кадры горняков Дашкесана. Так будет, несомненно, итти и подготовка энергетиков для будущих гидростанций Севана и Мингечаура.

И это есть то новое, что характеризует нашу социалистическую индустрию, наш советский социалистической строй.

МОСКВА—КУТАИСИ.

Памяти М. Ю. Лермонтова

ПЯТИГОРСК. Вчера исполнилась 107-я годовщина со дня смерти великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Общественность Пятигорска широко отмечает эту дату. В бывшем доме Верзилиных, где произошла ссора Лермонтова с Мартыновым, открылся филиал литературно-исторического музея «Домик Лермонтова». Здание и усадьба приведены в порядок, жилые помещения восстановлены в прежнем виде. В залах размещены библиотека, фотографии, иллюстрации к произведениям поэта. Ряд экспонатов получен из Москвы. Впервые здесь представлен подлинник картины Серова «Бэла».

На предприятиях и в здравницах города научные работники музея выступают с беседами о жизни и творчестве поэта. Многочисленные экскурсии направляются на гору Машук — к месту, где происходила дуэль.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПОСЛЕ НОВОСЕЛЬЯ»

16 июня в «Литературной газете» была напечатана корреспонденция под заголовком «После новоселья». В ней рассказывалось о том, что в Ленинграде, по улице Стачек, сдан строителями с большими недоделками новый дом.

Секретарь Кировского райкома ВКП(б) Ленинграда тов. Беклешов сообщает редакции:

Бюро РК ВКП(б) на своем заседании обсудило вопросы, поставленные в корреспонденции «После новоселья», и вынесло решение, обязывающее и. о. директора Кировского завода тов. Захарьина и управляющего трестом «Ленкировотракторстрой» тов. Ляскина в течение двух месяцев произвести все работы по исправлению дефектов в строительстве и в благоустройстве дома.

По страницам июльских журналов

(«Знамя» № 7, «Новый мир» № 7, «Октябрь» № 7)

Сергей ЛЬВОВ

Июль еще не кончился, а седьмые номера всех трех ежемесячных литературных журналов, выходящих в Москве, лежат перед читателем.

Разумеется, это очень важно, что журналы по срокам выхода успевают за календарем. Но особенно важно: успевают ли они по своему содержанию за возрастающими требованиями читателя?

В «Новом мире» напечатано начало романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», посвященного сооружению нефтепровода в годы войны на Дальнем Востоке. Думаем, что это произведение привлечет внимание читателя широкой картиной стройки и галлереей своих героев — людей труда.

В журнале «Октябрь» печатается продолжение романа А. Первенцева «Честь смолоду», описывающего путь молодого советского человека на войне.

Мы не можем подробно говорить о романах, печатание которых еще не закончено. Но все же отметим, что, публикуя в отделах прозы своих седьмых номеров только начала и продолжения, редакции «Нового мира» и «Октября» обедняют свои журналы. Особенно это относится к журналу «Октябрь», в котором весь отдел прозы — несколько глав (VI—XI) одного единственного произведения.

В седьмом номере журнала «Знамя» отдел прозы состоит из шести рассказов. Это жанровое однообразие свидетельствует о бесплановости в составлении журнала, а в конечном счете о недостаточном внимании к читателю. Но дело, разумеется, не столько в количестве рассказов, напечатанных в журнале «Знамя», сколько в их качестве. А оно, к сожалению, вызывает серьезные замечания.

Четыре вещи Юрия Яновского, составляющие цикл «Киевских рассказов», характеризуются манерностью, формалистическими ухищрениями автора. Это проявляется по-разному. Рассказу «Сердце врача» предпослано, например, риторически-декламационное вступление, выдержанное в таком стиле: «Я люблю профессоров с львиными головами, стоящих на капитанском мостике нашей советской медицины, прозревающих сквозь туман предположений еще не открытые острова родной науки». Это вступление никак не связано с содержанием рассказа, ибо героиня, врач по профессии, в этом своем качестве в рассказе не действует. Волнующая фронтовая легенда («Через фронт») — история мальчика, народного гонца, несущего письма от людей, стонущих под немцами, в Москву, испорчена нарочито сниженным тоном вступления. Автор, вероятно, полагал, что это снижение по контрасту оттенит возвышенный язык легенды. На самом деле, как всякий формалистический прием, оно убивает душу рассказа. Всего сильнее формализм искажает замысел писателя в рассказе «Слепое счастье». Его герой — ослепший летчик-истребитель — становится студентом университета, вновь обретает место в жизни. Он встречается с девушкой, которая спасла ему жизнь. Слепота и страшные ожоги, изуродовавшие лицо летчика, — не преграда для любви. Девушка выходит за него замуж. Рассказ начинается с описания свадьбы. Читатель верит в счастье героев. И вдруг раздается неожиданный голос: «Не верю, я все равно не верю в эту любовь!..» Оказывается, это говорит друг летчика и сам летчик — Грицько. Он был малодушен на войне, поэтому он не может и в дни мира поверить в мужество своих друзей. Казалось бы, здесь намечен серьезный конфликт, принципиальное столкновение двух противоположных характеров. Читатель убежден, что мгновенное примирение между героями рассказа невозможно. Однако оно незамедлительно совершается. «... Наш свадебный пир продолжался без речей и воспоминаний, но с песнями и танцами, а Грицько, отплясав с горя, полчаса плакал мне в жилетку и целовал мои ордена и медали». Серьезное идейное столкновение превращено во второстепенную сюжетную мотивировку, в повод для того, чтобы положительный герой мог рассказать о себе.

Совсем в иной манере, с человеческой теплотой и любовью к герою, написан рассказ Е. Дороша «Тихая профессия». Образ агронома привлекает симпатии. Но, на наш взгляд, рассказ портит примирительная концовка, которая находится в решительном противоречии с жизненным конфликтом, изображенным в рассказе.

Решительное возражение вызывает напечатанный в журнале «Знамя» рассказ А. Безыменского «Орфей в аду». По словам автора, это — почти документальная запись устного рассказа Максима Горького о Шаляпине. Но читатель, знающий творчество М. Горького, вряд ли уверует в достоверность этого пересказа.

«Может появиться на свете человек, который будет играть лучше, чем Шаляпин. Может появиться на свете человек, который будет петь лучше, чем Шаляпин. Но такого, как он, человека—не будет. Уникум!

Грешил этот человек — много и всласть. Иные черты его характера ужасны. Просто сказать, отвратительны. Его можно столь же крепко любить, сколь презирать и ненавидеть. Заслужил!

А иногда сотворит этот человек что-либо такое неповторимое, что посмотришь на него, разведешь руками и скажешь одно слово: — Шаляпин...»

Что же неповторимое совершает Шаляпин в этом рассказе? Взволнованный разговором с Алексеем Максимовичем и его друзьями, Шаляпин поет так, что замолкают все гуляющие в самом большом канавинском «заведении» нижегородские купчики. «Комнаты замолчали. Ад затих. Когда это случилось — не знаю. Но затих. Мы смогли, пусть на время, вернуть Орфею его душу — и Орфей покорил ад». Вот и все. А. Безыменский оговаривается, что он не может передать все живые интонации голоса Горького. Видимо, в пересказе пропали не только интонации, пропала идея Горького. Зачем написан «Орфей в аду»? Призывает ли он восхищаться великим грешником — Шаляпиным, или негодовать на мир, изуродовавший его? Это неясно. Орфей и ад — певец и его хозяева—пусть на минуту, но выступают в этом рассказе в немыслимом для Горького примирении.

Поэзия седьмых номеров почти не дает материала для серьезного критического разговора. Наиболее интересно стихотворение Н. Грибачева «Скульптура» («Октябрь»).

Стихи поэтического отдела седьмого номера «Нового мира» свидетельствуют только о технической опытности их авторов. Напротив, стихи Гр. Поженяна, И. Вяхирева, Ю. Яковлева (журнал «Знамя») весьма и весьма незрелы. Еще в большей степени это относится к стихам Георгия Веселкова «Туркмения» («Октябрь»). Первые строфы этого весьма об'емистого произведения написаны так, как обычно пишутся плохие переводы с восточных языков, сделанные по приблизительным подстрочникам. К десяти строчкам стихов поэту приходится делать три примечания.

Пергаментом, хрустяще-звонок,
Развертывается такыр.

Сноска: «такыр — плотная глинистая почва в песках, часто солончаковая».

Выдержав первую главку своей поэмы, так сказать, в условно экзотическом духе, Г. Веселков инструментирует вторую главку в ключе риторическом:

Пока голодный в дебрях рыскал
За зверем зверь, космат и лют,
Познанья пламенную искру
Огнивом слова высек труд.

Затем—куски условно-архаического:

В глухую степь не канет снова,
Не затеряется во мгле
Брат мой, пришедший во Москову (?!)
И братьев встретивший в Кремле.

Говоря об отделах критики и публицистики, необходимо прежде всего отметить самый содержательный из них — отдел «Нового мира». Здесь напечатан интересный очерк И. Горелика, в котором жалкой судьбе американского рабочего, как она описана в журнале «Америка», противопоставлена судьба советского рабочего. Содержательна статья В. Азарова о Багрицком. Наконец, в седьмом номере «Нового мира» напечатана первая в советском литературоведении обстоятельная статья о жизни и творчестве Юлиуса Фучика. Статья интересна вдвойне. Во-первых, потому, что она знакомит читателя со страницами жизни и творчества выдающегося революционного писателя Чехословакии. Во-вторых, потому, что эта статья представляет собой дипломную работу студентки Московского университета Нины Николаевой и дает, таким образом, читателям журнала представление о том, над чем работают лучшие выпускники филологического факультета. В самом факте опубликования этого материала проявилась живая инициатива, характеризующая работу редколлегии журнала.

Резко выпадает из всего значительного по содержанию и увлекательного по форме публицистического отдела «Нового мира» статья Я. Фрида «Иероглифы вместо искусства». Она пестрит десятками имен второстепенных и пятистепенных художников и писателей Запада. Здесь приводится множество цитат, которые должны свидетельствовать о глубочайшем кризисе в западном искусстве. Но спор Я. Фрида с апологетами формалистического искусства в лучшем случае поднимается до уровня наукообразной дискуссии, в худшем — остается в пределах информации. Факты, которые он сообщает, не новы, еще менее новы его оценки и выводы. Политический же анализ явлений разлагающегося искусства Запада сделан крайне общо и беспомощно.

В разделе публицистики журнала «Октябрь» напечатаны доклад А. Фадеева «Белинский и наша современность» и очерки Ю. Жукова «Америка сегодня». Но и та и другая работа ранее уже публиковались. Вряд ли имеет смысл дублировать в журнале другие периодические издания. Статья В. Кружкова «Мировоззрение В. Г. Белинского», обстоятельная по содержанию, написана с академической сухостью.

«Октябрь» продолжает печатать материал под рубрикой «Трибуна писателя». К сожалению, на этой трибуне не появляются известные писатели, участие которых в споре о социалистическом реализме было бы весьма желательным. Сама же дискуссия продолжается уже столько месяцев, статьи часто до такой степени повторяют одна другую, что читатель не в состоянии по-настоящему за ней следить. Нам кажется, что редакции журнала уже давно следовало бы принять на себя организующую роль в этом споре. Что касается статьи Г. Луканова и А. Белика о творческом методе социалистической литературы, то она вызывает недоумение односторонней предвзятостью своих оценок.

Газета «Культура и жизнь», критикуя журнал «Знамя», справедливо указывала на неуместность комплиментов в адрес членов редакционной коллегии своего же журнала.

К сожалению, «Октябрь» следует дурному примеру «Знамени». Уже не раз на его страницах в качестве подлинных образцов социалистического реализма назывались только вещи, напечатанные в «Октябре». Не убереглись от рокового искушения и Г. Луканов и А. Белик.

Сопоставляя произведения Ф. Панферова и В. Пановой, авторы статьи в отношении Ф. Панферова все время сбиваются на панегирик, стараясь уверить читателя, что «Борьба за мир»—единственное произведение о людях труда, написанное методом социалистического реализма. Памятуя, что тов. Панферов является главным редактором «Октября», следовало бы воздержаться от неумеренных похвал ему в этом журнале.

Критические статьи, опубликованные в седьмом номере журнала «Знамя», еще раз подтверждают, что редакция за последнее время снизила требовательность к публикуемым материалам. Опытный поэт С. Васильев с высоты трибуны писателя судит стихи областных поэтов, делая это крайне поверхностно и торопливо. «Своеобразны некоторые стихи И. Мухачева... Лучше стала писать Л. Татьяничева... Хорошее впечатление производит книжка стихов Ю. Левитанского... Есть удачные стихи в книжке «Верность» Д. Дворецкого...» Если ни в чем не убеждает такая раздача лавров на полном галопе, то еще менее радуют критические замечания С. Васильева. Они начинаются следующим грозным зачином: «Четыре разных формата, четыре разных обложки... четыре разных города... но одной и той же мертвой волной безвкусицы и малограмотности залиты страницы всех четырех книг». Вряд ли такой тон кому-нибудь принесет пользу.

Статья Б. Рунина «Беллетризация тезисов» посвящена роману Г. Коновалова «Университет». Остроумие — отличное качество для критика, однако, не тогда, когда оно подменяет и вытесняет собою все. Статья Б. Рунина — это разнос произведения Г. Коновалова, написанный с внешним блеском и непонятным ядом. Судится произведение в основном с позиций литературы. Попыток связать роман Коновалова с жизнью, по-настоящему разобраться и в его достоинствах и в его существенных недостатках нет и в помине.

Журнал «Новый мир» продолжает печатать в отделе «Книжная полка» короткие критические статьи, стремящиеся выйти за пределы обычной рецензии. К сожалению, в седьмом номере бросается в глаза некоторая случайность в отборе рецензируемого материала.

Радикальнее всего решил вопрос о библиографии журнал «Октябрь». Он вовсе не печатает библиографических материалов.

Таково содержание трех июльских книжек журналов.

Как видно из нашего разбора, «Новый мир» дал наиболее интересный материал для своего читателя.

Общим недостатком, свойственным всем журналам, является отсутствие в них животрепещущих проблем нашей сегодняшней жизни, тем пятилетки. Даже в отделах публицистики и критики эти темы стыдливо обойдены. Читатель вправе быть не удовлетворенным июльскими книжками наших московских журналов.

Бережно хранит казахский народ память о великом певце Казахстана — знаменитом акыне Джамбуле Джабаеве. Колхоз, в котором провел он последние годы жизни, носит имя поэта. Дом, где он жил, недавно превращен в музей.

Почитатели поэта, — а их множество и в Казахстане и за его пределами, — приезжают сюда, чтобы посетить место, где погребен Джамбул, и дом, где он жил.

НА СНИМКЕ: 1) Мавзолей на могиле Джамбула; 2) комната в доме-музее акына.

Фото А. БАХВАЛОВА (ТАСС).

К ИТОГАМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

На земле и на сцене

К. РУДНИЦКИЙ

Мой сосед—шахтер из Сталиногорска — время от времени вздыхал и оглядывался по сторонам. Его явно беспокоило то, что происходило на сцене. Герои пьесы ссорились. Старший — директор шахты — был разгневан дерзостью младшего — своего приемного сына, своего подчиненного по работе. Тот предлагал некие нововведения, способные упростить и ускорить работу. Но старший считал, что предложения эти опасны и ненадежны. Он ничего не хотел улучшать. Ему казалось, что достигнутое им прекрасно и лучше быть не может. И так как служебная иерархия предоставляла старшему решающий голос, то проекты младшего отвергались. Герои ссорились.

Этот знакомый конфликт развивался, так сказать, нормально, по привычным правилам. Но когда старший стал раскаиваться и говорить о том, что он слегка отстал и кое-что недопонял, а младший принялся дружелюбно похлопывать его по плечу, когда, наконец, новый метод был применен и зазвучали первые поздравления, мой сосед вдруг не выдержал, встал и начал пробираться к выходу. Я услышал раздраженную фразу:

— Человек в жизни не был в шахте...

Это было на спектакле «Навстречу жизни» А. Успенского в московском драматическом театре им. Станиславского.

Следует сказать, что мой сосед, вероятно, заблуждался. Человек, о котором он говорил, — автор пьесы — скорее всего бывал в шахтах и уж во всяком случае изучал то, о чем он писал. В доказательство своей похвальной осведомленности автор даже начинил пьесу огромным количеством специфических терминов. Слова «лава», «клеть», «террикон», «горный комбайн», «врубовая машина», «проходка» употреблялись им гораздо чаще, чем, скажем, в учебнике по горному делу.

Но старый сталиногорский мастер угледобычи, покинувший зал театра, имел самые серьезные основания беспокоиться, возмущаться каждой репликой.

Ибо выведенные на сцену люди не смогли бы спуститься в шахту. Они оказались бы никчемными там, где идет настоящая работа и настоящая борьба. Их волнения, их споры, их надежды — все это было выдумано. Внося в записную книжку немудреные технические термины, автор пьесы не сумел заглянуть в души тех, кто эти термины произносит.

У советского человека ясные идеалы. Проза его повседневной работы пронизнута воодушевляющей романтикой борьбы за коммунизм. Отчего же так редко мы чувствуем прекрасную увлеченность народа в наших новых пьесах и спектаклях?

В прошедшем театральном сезоне в Москве, Ленинграде и многих других городах обрели сценическую жизнь некоторые новые пьесы, посвященные послевоенному труду советских людей, их созиданию, их творчеству. Драматурги стремились как будто заглянуть в самые различные области трудовой жизни страны, но часто оказывались несостоятельными в стремлении познакомить публику с духовным миром героя наших послевоенных дней!

Обратимся к некоторым поучительным примерам. В нескольких театрах, в частности, в Ленинграде и Ташкенте, увидела свет рампы драма О. Берггольц и Г. Макогоненко «У нас на земле»—произведение, по странному заблуждению удостоенное премии Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу. Авторы этой пьесы относятся к своим героям с глубоким почтением и стараются изобразить их людьми страстными в труде, энергичными, уверенными, цельными. Для этого расставляются самые горячие ремарки, действующие лица говорят не иначе, как «загораясь», «вдохновенно», «сильно», «с презрением», «звенящим голосом». Для этого в уста мастера Макова вкладывается многозначительная фраза: «... у нас теперь люди такие стали, что не поделишь ты их на раз'емные части: тут он — производственник, а тут — частное лицо. Тут у него — своя жизнь, а тут — всеобщая...»

Зрители готовы согласиться. В большинстве своем они именно так, неделимо, строят свою жизнь. Но беда заключается в том, что герои пьесы «звенящим голосом» и всеми поступками доказывают обратное.

Завод выполняет важнейший государственный заказ — отливку колеса для днепровской турбины. С жизнью завода в эту знаменательную пору номинально связана жизнь всех действующих лиц. Но только номинально!

Упомянутое колесо не занимает всерьез ни авторов, ни их персонажей. Действующие лица заняты другим—распутыванием довольно сложных любовных отношений и утомительными взаимными комплиментами. Все хвалят друг друга упорно, методично, настойчиво. Хвалят... И все же по ходу пьесы вполне отчетливо вырисовываются непривлекательные черты ее героев.

Галя Снежкова — знатная стахановка, известная всей стране, получающая десятки восторженных писем со словами «любви, почета и благодарности». Она, как заявляют авторы, была инициатором широко охватившего нашу молодежь движения из контор и учреждений — на производство, в цехи, к станкам. Сама Галя говорит об этом с откровенной иронией: «...возглавила целое движение молодых секретарш-патриоток». И вскоре раз'ясняет, что «сделала это по глубоко личным мотивам», что она — «герой поневоле, по недоразумению». В самом деле: патриотический поступок Гали случаен, он продиктован простым желанием изменить обстановку, забыть оскорбление случайной и постыдной связи с недостойным человеком.

Изложив все это, авторы далее силятся показать превращение «героини поневоле» в подлинную героиню наших дней. Но и это им не удается. Галя, занятая в пьесе, главным образом, нарядами, флиртом с Арсеньевым и с Сидорчуком, воспоминаниями, «которые давят... не отпускают», да изречением пошловатых сентенций, решительно никаких симпатий у зрителей не вызывает. Зрителей просто оскорбляет утверждение Сидорчука, будто Галя заслужила во сто раз (!) больше нашивок, чем фронтовики за годы войны.

Берггольц и Макогоненко видят «у нас на земле» только неинтересных, мелких людей, без идеалов, без далеких жизненных целей. Нет, к этим людям невозможно применить слова о «неделимом счастье».

Ленинградский театр имени Ленинского комсомола показал в своем родном городе и на гастролях в столице пьесу Е. Мина и А. Минчковского «Мирное утро». С. Кара—рецензент «Ленинградской правды» — признает, что события этой пьесы «не обладают особой значительностью, а возникающие проблемы не накаляют страстей». Какие уж тут страсти, тов. Кара! Едва ли не самое драматическое место спектакля—сцена, когда простуженный капитан Чепурной с повышенной температурой пытается выйти на улицу. Но вмешательство жены спасает героя от страшной опасности. Столь же легко и просто разрешаются остальные «противоречия» — успокаиваются «разгулявшиеся нервы» Чепурного, которому показалось, что в армии скучно после войны; выясняется, что влюбленная в майора Мартынова Наташа не прикована к родному городу и может следовать за майором в его армейской жизни,—может, значит, выйти за него замуж... Вот, собственно, почти все события пьесы. Но в ней зато, по словам тов. Кара, «действуют наши современники, хорошие рядовые советские люди, наши друзья и знакомые, верно понятые авторами, верно показанные театром».

Так ли это?

При первом же знакомстве с героями пьесы мы тотчас убеждаемся в том, что они лишены главного качества передовых советских людей — целеустремленности.

У них нет идеалов, нет активного стремления строить новую жизнь. Чепурной геройски воевал на фронте, уверяют нас авторы. Костюмер пришпиливает к его гимнастерке несколько орденов, а талантливый артист П. Усовниченко придает Чепурному героическую осанку. Но во имя чего совершал подвиги этот удалой офицер, вдруг заскучавший после долгожданной победы. Ради чего провел годы на фронте Бульбик, учитель химии, которому так не хочется возвращаться к своей мирной профессии? Что, кроме фраз, кроме ложного пафоса артиста А. Дубенского, говорит нам о советском патриотизме Мартынова? Персонажи «Мирного утра» напоминают людей нашего времени только костюмом. Напрасно тов. Кара расточает комплименты авторам пьесы: они и не пытались понять «наших друзей и знакомых», они легко удовлетворились бледной фотографией, на которой видны ордена и знаки отличия, но которая ничего не говорит нам о подлинных мыслях и чувствах людей, вернувшихся с войны.

Целеустремленность — свойство лучших наших современников — почему-то весьма редко становится определяющей чертой главного образа драмы. В «Неугасимом пламени» Б. Полевого директор завода Кожаров решает наладить выпуск тракторов новой, своей системы. Казалось бы, вот благодарная цель, вот чему можно отдать свои силы без остатка. Но Кожаров впал в смятение при первых же трудностях. Он обижается, как ребенок, без сколько-нибудь серьезных оснований жалуется, что у него «треснула спина», он мечтает уже уйти с беспокойного директорского поста в уютное конструкторское бюро и отказаться от собственной затеи. Да и остальные герои этой пьесы лишены главного — идеалов.

Не случайно же рабочие, инженеры и техники Сталинградского тракторного завода, где происходят события пьесы Б. Полевого, в свое время прислали в редакцию «Литературной газеты» письмо, в котором выражали свое удивление и возмущение той искаженной картиной, какую изобразил автор «Неугасимого пламени».

Очевидно, наша драматургия терпит некоторые серьезные неудачи, отстает от жизни прежде всего потому, что она плохо знает реального героя-современника, чья мечта насыщает романтикой самые сухие и точные планы.

Лучшие театральные произведения сезона свидетельствуют о том, что наибольшим успехом пользуются именно те пьесы, авторы которых видят и умеют образно выразить стремление советских людей к высоким, ясным целям.

В пьесе А. Корнейчука «Макар Дубрава» заключены большие ценности, которые заставляют простить многие погрешности автора. На подмостки театра им. Евг. Вахтангова выходит человек, от которого трудно отвести глаза, хотя на первый взгляд в нем нет ничего необычайного. Спокойный, собранный, седой Дубрава — М. Державин уверенной неспешной походкой проходит по сцене. Старому шахтеру Макару Дубраве неопасно сойти в зал, — его достоверность, жизненность несомненны. И в то же время за простотой, за неотразимой естественностью Макара Дубравы кроется глубокая значительность. Его спокойствие — это спокойствие уверенной силы. В лукавой усмешке, в остром, проницательном взгляде светится духовная молодость героя. Драматург открывает мечту Дубравы — его «личное желание» — «пожить при коммунизме», а талантливый актер прописывает этой мечтой каждое слово, каждый поступок героя.

Я пожалел о том, что не встретил на этом спектакле моего сталиногорского знакомца. Я жалел об этом и тогда, когда видел актера Центрального театра Красной Армии П. Константинова в пьесе Юлия Чепурина «Последние рубежи» в роли старшины Кудрова, шутника, умеющего серьезно думать и рассудительно действовать, и тогда, когда следил за игрой артиста театра им. Моссовета В. Ванина в роли честного, но сбившегося с верного пути председателя колхоза Никона Камня в пьесе А. Сурова «Обида», и тогда, когда любовался актером театра им. Леси Украинки М. Романовым в роли академика Верейского в спектакле «Закон чести» А. Штейна. Драматург, режиссер и актер в этих спектаклях достигли желанной цели — на сцену вышли счастливые, сегодняшние герои советской земли, чей труд, чей подвиг озарены великим светом идей коммунизма.

Е. БЕРТЕЛЬС

Повесть о Навои

К обильной литературе, вызванной в жизнь пятисотлетием со дня рождения великого узбекского поэта Алишера Навои, прибавилась еще одна книга — повесть Л. Бать «Сад жизни». Основное задание повести — ознакомить с биографией Навои молодого русского читателя.

Нужно прямо сказать, что задача эта очень трудна. Хроник и документов, дошедших до нас от XV века, тысячи и тысячи страниц. Однако большая часть их не только не переведена на европейские языки, но даже не издана и, зачастую в уникальных экземплярах, покоится на полках разных книгохранилищ мира.

Затем, допустим, что автор, решивший изложить в художественной форме жизнь Навои, сумел одолеть пышные повествования хроник. Боимся, что и тогда его положение окажется весьма трудным. В хрониках он найдет трескучую риторику, некоторое количество малодостоверных анекдотов и еще меньше — вполне реальных фактов.

Наконец,—третье. Духовный облик Навои в источниках и, главным образом, в его собственных творениях обрисовывается достаточно отчетливо. Но так как мы имеем дело по большей части с хрониками панегирического типа, то Навои предстает перед нами застывшим, иконописным, бесстрастно-абстрактным.

Это обстоятельство оказало свое действие на всех, кто так или иначе пытался отразить жизнь Навои в художественной форме. Навои предстает перед нами ходячей «книгой назиданий» и в кино, и,—пусть в меньшей степени, — в пьесе Уйгуна и Султанова, и даже в романе Айбека.

Я не держусь той мысли, что ради оживления образа Навои ему нужно было бы приписать какие-то подлинные или воображаемые «человеческие слабости». «Оживлять» Навои пытались, приклеивая к нему банальные любовные истории, пробовали даже вводить элементы своего рода детектива, кстати сказать, не замечая того, что основные факты жизни Навои, без всяких прикрас и «улучшений», дают картину большой трагедии, разрушения идеалов и разочарования великого поэта в смысле всей его предшествовавшей деятельности.

Большая заслуга Л. Бать, что она не соблазнилась дешевыми эффектами и на всем протяжении своей книги осталась верна фактам. Это было трудно, гораздо труднее, чем придумать какую-нибудь любовную историю. Но Л. Бать выдержала характер и нигде не вдалась в беспочвенное сочинительство. В результате мы получили книгу, которую смело можно рекомендовать всякому, кто без балласта сносок и примечаний хочет ознакомиться с жизнью великого узбекского поэта.

Когда востоковед читает книгу о Востоке, написанную не специалистом, он обычно весьма тяжко переживает ляпсусы, почти всегда содержащиеся в такой книге. Книгу Л. Бать и востоковед может читать совсем спокойно: почти вся бытовая сторона повествования не вызовет никаких возражений даже и у придирчивого критика.

Назову лишь некоторые неточности, чтобы показать, о каких тонкостях идет речь.

У автора Хусейн пригоршнями засовывает миндаль в рот и «запивает» его вином (стр. 77). На Востоке запивали что-либо только водой и никогда—вином; напротив, вино всегда «заедали», очень часто миндалем, который и входит в число так называемых «нукл» — закусок. В доме Джами (стр. 97) сидит человек, выводящий «тонкой кистью буквы на шелковой бумаге». Но в то время писали всегда каламом, кисть употребляли только для орнамента. На вопрос об имени (стр. 98) Навои отвечает: Алишер Навои. Это совершенно невозможно. Его спрашивали не о псевдониме, а псевдоним — не фамилия. Он мог ответить: Али, Алишер-бек, и мог добавить, что в стихах он — Навои.

На стр. 172 приведен известный анекдот о скромности Навои. Но он «выводит» там свою подпись, да еще «изящным почерком». Навои, конечно, ничего не выводил, а только приложил свою печать. Менее простительно недоразумение на стр. 101. Известная притча о совах Низами здесь отнесена почему-то к султану Махмуду. Но Низами связывает ее с Нуширваном, а вовсе не с Махмудом, которого он высоко ценил. Проверить это легко, так как притча не раз была переведена на русский язык, да и вся поэма имеется в переводе М. Шагинян.

Сановник, на стр. 106, был, конечно, не «дервиш Мухаммед», а «Дарвеш Мухаммед», т. е. он был вовсе не нищим дервишем, а это слово входило в его собственное имя. Восточным именам собственным в художественной литературе обычно не везет. Авторы стараются придумать что-нибудь поэкзотичнее и—увы!—дают имена, от которых у специалистов темнеет в глазах. Но Л. Бать и здесь оказалась на высоте в значительной степени потому, что вымышленных персонажей у нее очень мало; большая часть ее действующих лиц уже давно бродит по страницам разных хроник. Не повезло только Пахлаван Мухаммеду, ставшему почему-то Махмедом (стр. 239), да красавице Гульран, имя которой явно потеряло конечную букву «г». Непонятно еще, почему отец этой красавицы «нюхал» бенг (стр. 244). Это снадобье пахнет прогорклым маслом, и нет никакого удовольствия его нюхать. Когда хотят опьяниться им, его принимают вовнутрь.

Перечисляю все эти мелочи лишь потому, что они бросаются в глаза на общем фоне тщательно написанной книги — их можно было избежать. И если эта книга появится в свет вторым изданием, надеемся, автор постарается убрать их, что сделать легко и просто.

Вообще же появление повести «Сад жизни» можно только приветствовать, — она найдет дорогу к молодому читателю. Не дезориентируя его, она в легкой и живой форме знакомит с историческими фактами и, может быть, не одного молодого читателя привлечет к углубленному изучению Востока, поможет умножить ряды востоковедов.

Л. Бать. «Сад жизни». Повесть об Алишере Навои. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1948, стр. 276.

Прогрессивная партия Америки

В последние дни в Соединенных Штатах Америки произошло событие, значение которого трудно переоценить. На происходившем в Филадельфии с'езде представителей различных слоев американского населения, прибывших со всех концов страны, образована новая политическая партия — партия сторонников мира и демократии, принявшая официальное название «прогрессивной партии». Она противопоставила себя обеим старым политическим партиям — демократической и республиканской и выдвинула своих кандидатов на пост президента и вице-президента — известного политического деятеля Генри Уоллеса и сенатора Глена Тэйлора и утвердила свою избирательную программу.

Среди участников с'езда находились выдающиеся деятели культуры и науки, руководители профсоюзов рабочих горнорудной промышленности, грузчиков, морских поваров и официантов, электриков, рабочих пищевой и табачной промышленности, конторских служащих, представители «Лиги женщин-избирателей». Всего на с'езде присутствовало 3.240 делегатов и более тысячи наблюдателей от различных политических групп и организаций.

Новая политическая партия в США возникла далеко не случайно. Ее создание подготовлено всем ходом событий последних лет.

В ответ на все более откровенный и демонстративный отход правящих кругов США во главе с Трумэном от политики Рузвельта, в ответ на фактическое об'единение реакционных демократов и республиканцев в единый двухпартийный блок на основе махрово-реакционной политической платформы, в стране значительно усилилось движение прогрессивных элементов, сторонников отпора наступлению реакции и сохранения верности идеалам Рузвельта. В декабре 1946 года этими элементами была создана организация «Прогрессивные граждане Америки», ставшая ядром прогрессивной партии. Уже к марту 1947 года эта организация насчитывала 150 отделений и до 100.000 членов.

Время шло, курс правительства Трумэна становился все более и более реакционно-экспансионистским — в области внешнеполитической, полицейско-террористическим — в области внутриполитической. Создавшаяся в стране обстановка повелительно требовала сформирования новой партии, которая могла бы в своей программе выразить недовольство широких масс политикой развязывания новой войны, недовольство рабочих, служащих и фермеров резким ухудшением их материального положения, ростом дороговизны, снижением реальной заработной платы при одновременном росте прибылей монополий.

«Если демократическая партия, — говорил Генри Уоллес, — это военная партия, если она продолжает нападки на гражданские свободы, если обе партии стоят за высокие цены и депрессию, то в таком случае народ должен иметь новую партию — свободы и мира».

И вот в Америке началось движение за создание новой партии. Это движение возглавил один из ближайших помощников Франклина Рузвельта — Генри Уоллес. Обращаясь 29 декабря 1947 года по радио к американскому народу, Уоллес говорил о чувстве неуверенности, страха и неопределенности, порождаемом господствующим в стране ожиданием войны и депрессии. Он призвал к организации третьей партии, выдвинув в качестве основной ее задачи борьбу за мир и за демократические свободы.

Вначале реакционеры и большая часть американской прессы пытались высмеять выступление Уоллеса, об'явить его самого чуть ли не сумасшедшим; но вскоре они были вынуждены резко изменить тон. Движение за создание третьей партии ширилось по всей стране. На дополнительных выборах в одном из округов Нью-Йорка — Бронксе в палату представителей был избран сторонник третьей партии Изаксон. Во всех штатах создавались местные организации будущей прогрессивной партии и шел сбор подписей под петициями о включении новой партии и Уоллеса в избирательные списки штатов.

От попыток высмеять возглавляемое Уоллесом движение встревоженная реакция быстро перешла к провокациям, созданию помех, а кое-где и к открыто террористическим методам подавления этого движения. На руководителя кампании за избрание Уоллеса было совершено нападение; кандидат в вице-президенты от третьей партии сенатор Тэйлор был арестован, а самого Уоллеса во время его предвыборной поездки по стране не раз пытались лишить возможности проводить пресс-конференции. Помимо этого, участники митингов, на которых выступал Уоллес, подвергались преследованиям.

Убедившись в том, что эти меры все же не дают ожидаемых результатов, правящие круги США пошли на гнуснейшую провокацию, стараясь во что бы то ни стало очернить растущее движение. Мы говорим об аресте руководителей американской компартии по обвинению в «конспирации». Неуклюжая полицейская провокация была немедленно разоблачена Национальным комитетом компартии США. В своем заявлении для печати она вскрыла истинные намерения реакции: «Напуганное растущей поддержкой кандидатур Уоллеса и Тэйлора, руководство демократической партии пытается оклеветать новую партию, как «преступную», ибо среди противников двух старых партий Уолл-стрита и выдвинутых ими кандидатов имеются коммунисты, которые со всеми другими прогрессивными силами также поддерживают новую народную антивоенную партию».

С'езд сторонников новой партии, состоявшийся в Филадельфии, неопровержимо доказал, что силы прогресса и демократии в США растут, несмотря на все преследования и террор властей; больше того, самим фактом создания прогрессивной партии и выдвижением кандидатур Уоллеса и Тэйлора лагерь прогресса и демократии открыто об'явил борьбу против лагеря реакции, фашизма и разжигания новой войны.

Давая согласие на выдвижение своей кандидатуры от прогрессивной партии, Уоллес произнес речь, в которой подверг уничтожающей критике политику правительства Трумэна, назвав предательством политику, которую проводил Трумэн после смерти Ф. Рузвельта. «В Гайд-парке они похоронили нашего президента, а в Вашингтоне они похоронили наши мечты. На другой день после смерти Рузвельта в Белый дом вступил Трумэн, а через 46 дней в Белом доме уже был Герберт Гувер. Это был период приходов и уходов. В правительство пришли призраки великой депрессии, представители банков и нефтяные дипломаты. В правительство вошли генералы, а ушли люди, разработавшие планы социального обеспечения и федеральной программы жилищного строительства...» Напомнив, что он давно предупреждал Трумэна о гибельности «жесткой» политики по отношению к СССР, Уоллес заявил, что за последние два года государственный департамент был искусно превращен «в приложение к министерству обороны», в результате чего США идут от кризиса к кризису.

Уоллес назвал республиканцев и демократов «партиями могильщиков» в связи с тем, что кандидаты этих партий «обязались поддерживать политику военщины, крупных финансистов, политику милитаризации и империализма, политику, набрасывающую саван на жизнеутверждающий, спасительный курс, намеченный Франклином Рузвельтом для нашего послевоенного мира».

Со своей стороны Уоллес заявил, что он принял на себя ряд обязательств при выдвижении его кандидатуры. Эти обязательства являются, в сущности, основными пунктами программы прогрессивной партии — ограничение монополий, переговоры с Советским Союзом, содействие укреплению мира и Организации Об'единенных Наций, оказание действительной помощи народам, пострадавшим от войны, борьба против реакционного закона Тафта—Хартли, против инфляции, против обязательной воинской повинности, за обеспечение престарелых и освобождение молодежи от страха войны.

Беспощадно разоблачая политику запугивания «красной опасностью», широко применяемую в США организаторами «антикоммунистической истерии», Уоллес заявил: «Американский народ хочет иметь меньше «красных вопросов» и больше красного мяса, и он заслуживает этого. Миллионы людей знают и миллионы других людей должны понять, что не Кремль и не коммунисты повысили цену на молоко до 24 центов за кварту, а цены на мясо до 1 доллара 30 центов за фунт и что до этого довел нас «красный вопрос», но не красные».

Избирательная кампания в США вступает в решающую фазу. Теперь, после с'езда прогрессивной партии, утверждения ее программы и выдвижения ее кандидатов окончательно определились и размежевались две силы, два лагеря, между которыми идет избирательная борьба,—лагерь реакции, раздираемый внутренней грызней республиканцев и демократов за власть, за места в государственном аппарате, и лагерь прогрессивных сил. Борьба между этими двумя лагерями будет усиливаться и обостряться по мере приближения дня выборов. За прогрессивной партией стоят значительные силы. У нее есть немало сторонников во всех частях страны — от Тихого океана до берегов Атлантики, от канадской границы до границы с Мексикой.

Вновь созданной прогрессивной партии Уоллеса предстоит итти нелегким путем. Не подлежит сомнению, что весь лагерь американских реакционеров ополчится против нее, действуя такими «испытанными методами», как террор, клевета, полицейское законодательство, попытки насаждения раскола. Республиканцы и демократы в одинаковой степени не пощадят ни усилий, ни долларов для того, чтобы всячески уменьшить избирательные шансы прогрессивной партии и снизить ее успехи на выборах.

Однако подлинная популярность и влияние этой партии в массах американского народа, независимо от исхода выборов, будут находиться в прямой зависимости от того, насколько последовательно, непреклонно, мужественно и настойчиво сумеет она об'единить силы и отстаивать интересы всех сторонников мира, демократии и прогресса в США.

Л. АЛЕКСЕЕВ

Корней ЧУКОВСКИЙ

Полный карман пошлости

I.

Думайте сто лет, ни за что не додумаетесь, почему, например, вам следует завидовать рыбам, которые плещутся у самого берега? Потому что там же, у берега, купаются полуголые женщины и рыбам никто не мешает рассматривать их во время купанья.

Все это напечатано в том американском журнале, на обложке которого сказано:

«Полный Карман Развлечений»

Не стану пересказывать сюжеты рисунков, что красуются на разноцветных обложках журнала. У журнала имеется целая плеяда художников, специализировавшихся на подобных рисунках.

Так и кажется, что этот журнал издается каким-нибудь всеамериканским трестом домов терпимости, заинтересованным в расширении клиентуры. С упорным постоянством рекламирует он свой однообразный «товар» — своих блондинок, брюнеток, шатенок, в которых, судя по его зарисовкам, атрофировано все, кроме пола.

II.

Конечно, в журнале есть и другой материал. Нет, например, такой книжки, где не изображались бы по нескольку раз грабители, бандиты и гангстеры. В журнале есть художник Джо Оокс, который сделал изображение гангстеров своей специальностью и неустанно зарисовывает из номера в номер их бычьи шеи, их низкие лбы, их черные маски, воровские отмычки, револьверы. Эта уголовщина до такой степени поработила художника, что даже в тех редкостных случаях, когда он рисует детей, он тоже наделяет их бандитскими лицами.

Вообще (замечу мимоходом) все дети, фигурирующие в этом журнале, изображаются в виде кретинов и выродков. В каждом номере отводятся три-четыре страницы специально для глумления над ними.

Есть и еще постоянный отдел: кулачные бойцы и боксеры. Впрочем, их также не отличишь от бандитов: такие же скотские лица, с подбитыми глазами, в кровоподтеках и струпьях.

Вообще всякие членовредительства, драки, побоища служат для этого милого органа неиссякающим источником юмора. Вот раз'яренная дама схватила тяжелую скалку и колотит своего мужа по черепу. Вот анекдот об изувеченном муже, которого после такой же супружеской драки укладывают на больничную койку. И снова картинка: какие-то двое жадно прильнули к стене и, улыбаясь, прислушиваются, как под громкий напев патефона избивает мужа их соседка.

Все это считается здесь очень смешным.

Майский номер журнала дошел до меня лишь на-днях. Открываю его наугад, и предо мною снова забинтованный муж, с пробитым черепом, со сломанной рукой. И заметьте: всюду в качестве истязательницы здесь выступает жена. А муж неизменно представлен здесь в качестве жертвы. Как и подобает органу публичных домов, журнал упорно внушает своим потребителям лютую ненависть к женам. Даже в тех случаях, когда они не калечат мужей, они изображаются у него на страницах тиранками, уродами, склочницами.

III.

Но тут обнаруживается одно обстоятельство, поражающее своей неожиданностью.

Оказывается, этот журнал издается не домами терпимости, как показалось мне с первого взгляда, а совсем другой организацией, и задачи у него совершенно иные. На обложке каждого номера (и как это я не заметил!) напечатано такое заглавие:

«Армия смеется»

причем слово «Армия» на первой странице выкроено из национального флага США.

Оказывается, этою духовною пищею трумэновские Соединенные Штаты потчуют в настоящее время своих нежно любимых солдат.

Меню составлено с такой изумительной ловкостью, что, должно быть, сам Омар Брэдли — начальник штаба американской армии — восхищается им, как произведением искусства. На первое — «девочки», герлс. На второе—кулачные бойцы и бандиты. На третье — организованный поход против жен (ибо гораздо выгоднее **холостые** солдаты). И, в качестве последнего блюда, — десерт из всяких пустяков и ненужностей, которые, в сущности, очень нужны для поставленной в журнале задачи: безмозглые рассказы о том, как какую-то девушку спутали по ошибке с кобылой, и о том, как какой-то суб'ект оказался полезен городскому хозяйству, так как в колене у него оказалась вода, в желудке — газы, в волосах — электричество.

Читаешь все это, и начинает казаться, что идиотизация армии, систематическое ее отравление гноем зубоскальства и похоти составляют планомерную программу журнала. Со стороны даже страшно читать тот список рекомендуемых книг, которые рекламируются на его последних страницах. Юным воинам предлагаются такие трактаты: «Женщины, как животные», «Женщины и деньги», «Женщины, как пьяницы», «История знаменитых убийц», — причем в качестве главной приманки в рекламе изображается девушка, которая грациозно качается в петле!

О политике ни полслова. Страны подлинной демократии не упомянуты ни разу. Для натравливания на них существуют другие органы, у которых всегда наготове семена клеветы и хулы. А здесь, в этом журнальчике, мы воочию видим, как возделывается **почва** для этих семян. Почва жирная, хорошо унавоженная. Ведь таких органов очень много, и все они из недели в неделю, из месяца в месяц дружно оглупляют, развращают, испакощивают рядового гражданина США.

Очень поучительно следить за тем, как этот бравый журналишко изо всех сил способствует милитаризации страны, помогает вербовать солдат в армию. Вот на одной странице худощавый молодой человек с горькой усмешкой рассматривает мрачные столбики цифр: на костюм нужно столько-то долларов, на пальто — столько-то, на ежедневное пропитание — столько-то, да жилплощадь, да транспорт... Что делать? Молодой человек удручен, но вдруг его лицо проясняется, и он затягивает мажорную песню, напечатанную на соседней странице:

Мои мысли обращаются к армии,
К милому дорогому армейскому
жалованию:
Там еда и жилье—бесплатно,
И за одежду не берут ни гроша.

Журнал и в этом случае верен себе: апеллирует к самым примитивным интересам. Но, впрочем, есть у него и другие приманки. Читателям, например, представлен солдат Элмер Гуфл, который, на зависть всем, сообщает, что от сытной пищи и свежего воздуха он до того раздобрел, что ему чуть было не досталась самая чудесная девушка, получившая за красоту первый приз.

... Я всего только на четверть часа прикоснулся к этой удушливой пошлости, и то чувствую, что больше невмочь, каково же тем тамошним людям, — наиболее честным из них, — которые вынуждены барахтаться в ней всю свою жизнь!

П. НИКОЛАЕВ

Хорошая книга и плохое предисловие

Рамон Диас Санчес, автор романа «Нефть», недавно вышедшего в русском переводе, по праву занимает видное место не только среди передовых писателей его родины—Венецуэлы, но и всей Латинской Америки.

В литературу Санчес пришел вооруженный опытом революционной борьбы. Сын чернорабочего, он рано познакомился с условиями каторжного труда, нищеты и голода, царящими в подавляющем большинстве стран Латинской Америки. Работая на нефтяных промыслах венецуэльского отделения «Ройял датч», Санчес на себе испытал все прелести чудовищного эксплоататорского «режима смерти». Активный участник движения борьбы против диктатора Венецуэлы Хуана Висенте Гомеса, послушного лакея США, Санчес в 1928 году был присужден к двум годам заключения в крепости и к пяти годам последующей ссылки. В столицу Венецуэлы — Каракас—Санчес смог вернуться только после смерти Гомеса.

Рамон Санчес смело вторгается в жизнь и своим творчеством показывает пример передового писателя-борца. Он активно участвует в политической жизни страны. Его правдивое слово раздается в защиту чилийского поэта Пабло Неруда, преследуемого фашистами. Он раз'ясняет в своей стране все значение выдвижения Генри Уоллеса кандидатом на пост президента США, организует общественное мнение для его поддержки.

Роман «Нефть» был задуман Санчесом в годы вынужденного пребывания в селении Кабимас — месте его ссылки. Кабимас и становится центром действия романа. На примере этого нефтяного городка, ставшего в силу художественного обобщения символом всей Венецуэлы в начальный период захвата иностранным капиталом ее природных богатств, автор правдиво и выразительно показывает, что уготовили странам Латинской Америки северо-американские монополии.

Это честная и талантливая книга, срывающая маску с лица колонизатора-янки. Голод, нужда, разврат, попирание всех законов человеческой морали, свирепая расовая дискриминация — вот что американский империализм принес с собой в Венецуэлу.

Поднимая ряд социально-политических проблем, связанных с нефтью, Санчес дает богатый познавательный материал об экспансии монополий США в Латинской Америке. Этот роман, рассказывающий о прошлом, не потерял актуальности и в наши дни. В книге наглядно показывается, что, по существу, таят в себе пышные декларации всевозможных межамериканских конференций, вроде имевшей недавно место конференции в Боготе.

Санчеса, пожалуй, можно упрекнуть в том, что в некоторых эпизодах книги, рисующих мрачное «сегодня» венецуэльских рабочих, он допускает некоторую идеализацию старой полуфеодальной Венецуэлы. Это серьезный недостаток книги. Но это лишь частное упущение. Главное в книге то, что она ярко и убедительно демонстрирует, к чему на деле приводит циничная политика северо-американского империализма в малых странах.

Воздавая должное инициативе, проявленной Государственным издательством иностранной литературы, выпустившим «Нефть» в хорошем переводе А. Сиповича, нельзя не выразить удивления по поводу предисловия, которым издательство «украсило» этот роман. Автор предисловия Н. Козюра проявила просто поразительное невежество. Видимо, имея очень смутное представление о творчестве Рамона Санчеса и его биографии или же нарочито пренебрегая фактами, Н. Козюра на основании собственного, отнюдь не глубокого анализа книги поспешила зачислить Санчеса в ряды чуть ли не реакционеров. В своем предисловии она весьма развязно приписала передовому прогрессивному писателю «искажение действительности», «противоречивость, незрелость и даже реакционность социальных взглядов».

Ошибочные «умозаключения» автора предисловия, конечно, не прошли бы мимо внимания редактора, хотя бы элементарно знающего латино-американскую литературу. И здесь-то выясняется любопытная деталь: редактором книги Санчеса является все та же Н. Козюра!..

Государственному издательству иностранной литературы следовало бы относиться более серьезно к изданию книг иностранных прогрессивных писателей.

Рамон Диас Санчес. «Нефть». Роман. Сокращенный перевод с испанского А. Сиповича. Государственное издательство иностранной литературы. 1948 год.

Эдвард ФИАЛКОВСКИЙ

Утро Лодзи

ПИСЬМО ИЗ ПОЛЬШИ

В пять часов утра на Калишском вокзале города Лодзи необычайно оживленно. Люди толпятся на главном перроне, куда прибывает скорый поезд из Еленьей Гуры — живописнейшего центра Нижней Силезии, столицы района, по праву ставшего здравницей всего трудового населения Польши.

Встречаю знакомых. Вот немолодая женщина, мать вагоновожатого трамвая, Янина Борковская с букетиком пунцовой гвоздики в руке, облокотившись на выступ железной колонны, беседует с сослуживцем сына старым мастером Спиваком. Я был у них в депо. Тогда Томашу Борковскому, Спиваку и многим другим вручали премии за успехи в производственной работе, за новое отношение к труду.

Несмотря на то, что немецкие оккупанты основательно разрушили трамвайное хозяйство города, сразу же после освобождения Лодзи Советской Армией на улицах появились вагоны трамвая еще с заколоченными фанерой или закрашенными черной краской окнами, но быстрые и аккуратные и уже с гербом города — лодкой и веслом.

С тех пор прошло более трех лет. Ни на один день не прерывалась работа городского транспорта, хотя условия ее, особенно в первый год новой жизни Лодзи, были невероятно трудны. Но организованность, находчивость и то новое отношение к труду, о котором мы говорили выше, преодолели все эти трудности. Трамвайная сеть города за это время даже расширилась, связав с центром окраины, с которых раньше трудно было добраться на Пиотрковскую — главную городскую артерию, улицу магазинов, кинотеатров, бесчисленных ресторанов и кафе. Вот за этот-то труд по восстановлению и расширению трамвайного хозяйства и были премированы Борковский, Спивак, Радзиевский и десятки других...

Я подхожу к ожидающим и здороваюсь. Меня помнят и сразу посвящают в свои дела. Они встречают детей, отдыхавших в Шклярской Поромбе: Борковская — внука, Спивак — дочь Зосю, ученицу Лодзинской музыкальной школы.

Мы обмениваемся мнениями о последних событиях. Мастер рассказывает о воеводской конференции Польской рабочей партии, членом которой он является с ее основания. На конференции обсуждался вопрос о слиянии рабочей и социалистической партий в единую рабочую партию, которая на основе марксистско-ленинской науки поведет страну по пути дальнейших демократических преобразований, по пути социализма.

Мы говорим о состоянии городской торговли, о ценах на овощи и фрукты, которыми в нынешнем году изобилуют прилавки и витрины больших продовольственных магазинов на Пиотрковской, Нарутовича, Паврот, маленьких магазинов на Балутах и Родогощче, общественных кооперативов в рабочих кварталах возле текстильных фабрик Видзевской мануфактуры и машиностроительного завода имени рабочего Столярчика — героического лодзинского металлиста, павшего в боях за свободу Испании.

Толпа на перроне, как это бывает всегда при приближении поезда, заволновалась и устремилась к путям. Поезд, свистя, подкатил к вокзалу. Из всех окон высовывались веселые детские лица с взлохмаченными ветром волосами. Шустрый пятнадцатилетний Владек первым заметил бабушку и начал прямо из вагона подавать нам свой несложный багаж: зеленый туристский мешок, маленький потрепанный чемоданчик и тюпагу — горную палку с топорком, рукоятка которой сверху донизу была обита медными и алюминиевыми пластинками с видами горных местностей, где он побывал. Я заинтересовался табличками: Еленя Гура, Шклярска Поремба, Карпач, Венец Здруй, Берутовицы — их было так много, что передо мною встал сразу весь восхитительный пейзаж Нижней Силезии, с ее лесами и крутыми шоссейными дорогами, тихими селами и целебными источниками.

Пока я рассматривал тюпагу, Владек и Зося успели передать свои вещи и подошли к нам. Все вместе мы вышли из вокзала. Спивак пригласил меня в гости, послушать игру дочери на фортепиано. Я записал адрес и обещал быть к обеду.

У вокзала я встретил Генриха Климчака, бывшего офицера Первой польской дивизии им. Костюшко, автора книги «От Оки до Шпрее», вышедшей уже вторым изданием в издательстве «Ксенжка». Мы пешком направились в город.

На улицах было еще тихо, только дворники поливали мостовые и спешили к трамваям рабочие утренней смены. Климчак только что вернулся из Варшавы, где слышал выступления вице-председателя сейма Романа Замбровского и министра промышленности Гилария Минца, посвященные планам развития государства в ближайшие годы.

План развития и восстановления промышленности и сельского хозяйства в разрушенных и вновь воссоединенных с Польшей воеводствах выполняется успешно. Мы говорим о том новом, что происходит сейчас, в частности, на фабриках Лодзи. По призыву и почину молодых рабочих, членов ЗВМ — Союза борьбы молодежи, на фабриках широко развернулось трудовое соревнование. В результате молодые рабочие и работницы, недавно пришедшие на лодзинские текстильные фабрики и до того работавшие поденно, ныне изо дня в день выполняют нормы на 200—300 процентов. Широко известны в стране Славинская, Белдовский, Пытлевская и многие другие текстильщицы, перешедшие работать с одного на два-три станка. На фабриках созданы школы по изучению и распространению опыта передовых рабочих.

Неудивительно, что государственные текстильные комбинаты № 1 и № 2 и многие другие предприятия—бывшие фабрики Шейблера, Познанских, Бидерменра, ставшие теперь достоянием народа,—всеми своими коллективами перевыполняют задания, намеченные трехлетним планом. А из молодых рабочих, передовых производственников, растут кадры, вливающиеся в Польскую рабочую партию, заполняющие скамьи созданного после войны Лодзинского университета, поступающие в военно-политические и офицерские школы Польского Войска.

Обо всем этом надо говорить, ибо именно это помогает понять коренные преобразования, происходящие в нашей стране.

Мы идем по тихим улицам по направлению к Пиотрковской. Вот афишная тумба. Чем живет сегодня Лодзь? На стадионе матч футболистов «Л. К. С.» и «Видзев», двух ведущих спортивных клубов города. В кинотеатре «Полония» демонстрируется советский фильм «Весна», в «Татрах» идет польская картина «Последний этап», в «Стылевом» повторяют «Каменный цветок». В театре имени Польского Войска, руководимом крупным польским режиссером Леоном Шиллером, играют «Бурю» Шекспира и «Русский вопрос» Симонова.

Как курьез, в уголке тумбы приютились об'явления о частной школе западных танцев какого-то «профессора» с английским именем и польской фамилией — Реджинальда Пырковского и предсказательницы Пари-Бану, «видящей прошлое, настоящее и будущее». Да, она еще находит легковерных, соединяющих посещение костела с гаданием на кофейной гуще, хотя о прошлом знают все, настоящее все видят, а будущее, к счастью, не зависит от «дара ясновидения» Пари-Бану.

Над всеми этими афишами — большой плакат литературного вечера, на котором выступают с чтением своих произведений Владислав Броневский, Казимир Брандис, Адам Важик, Леон Пастернак и другие литераторы, чьи книги только теперь, после войны, стали достоянием народа. Книги в Польше еще очень дороги по сравнению с продуктами питания и даже одеждой. Хорошие книги расходятся быстро.

Русские книги — классические и современные, переводимые на польский язык такими писателями, как Тувим, Броневский, Герц, пользуются широкой популярностью у лодзинского читателя. В городской библиотеке всегда очередь желающих прочитать «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Педагогическую поэму», «Падение Парижа», «Волоколамское шоссе», не говоря уже о книгах Гоголя, Толстого, Чехова, Горького.

Мы идем по Пиотрковской. Возле магазинов стоят подводы, с которых снимают корзины со свежими овощами и фруктами. Снабжение города идет непрерывно. В булочную доставляют хлеб, который население частично получает по карточкам, — в прошлом году урожай был плохим, и только помощь Советского Союза позволила Польше преодолеть затруднения.

Я прощаюсь с Климчаком, идущим в редакцию, и направляюсь домой. Когда я подхожу к трамваю, со мной здоровается водитель. Это — Томаш Борковский. Я сообщаю ему, что видел его сына на вокзале. Он улыбается в усы и говорит:

— Молодец хлопец. Завтра он уезжает в Варшаву... Строить...

ЛОДЗЬ. Июль.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ Как сообщает американская «Нью-Йорк пост», в США отпущена крупная сумма государственных средств на организацию специальных «встреч за банкетным столом» между конгрессменами и кинозвездами США. Последние получают от 50 до 100 долларов вознаграждения за почетную обязанность развлекать конгрессменов, переутомленных государственной деятельностью.

◆ По сообщению английской газеты «Ивнинг стандарт», у арестованных лондонской полицией за хулиганство тридцати молодых людей были обнаружены карточки членов «союза спекулянтов». На карточках удостоверялось, что обладатели их должны «пользоваться всеми правами и преимуществами союза спекулянтов».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02629.